

Галина Романова

16+

Надежда

Галина Романова

Надежда

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Романова Г. Л.

Надежда / Г. Л. Романова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Надежда не ждала ничего от жизни. Тридцать лет, разведена, без детей, работает мастером на заводе. Но встреча в кафе с таинственным незнакомцем меняет все. Вот только не так, как представляют себе юные девушки.

Очнулась она в плену у инопланетян. Оказывается, земные женщины весьма и весьма ценятся на невольничьих рынках Галактики. Но вместо инопланетного принца Надежда привлекает внимание простого поселенца глухой планеты на окраине Галактики. Привыкнуть к новому месту трудно. К новой роли - еще труднее. Но надо кому-то и новые миры осваивать!

© Романова Г. Л., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	22
Глава 3.	38
Глава 4.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Галина Романова

НАДЕЖДА

Вместо пролога.

«Ввиду особого статуса планеты Земля Изначальная, именуемой в дальнейшем «Земля» Союза Двадцати Миров постановляется следующее:

...

П.12.

Подпункт 1. Поскольку генофонд Земли является уникальным и в определенной мере общим для более чем 60% гуманоидного населения Галактики, а также ввиду особого статуса Земли (см. п. 1,2,3 и п. 4/1 настоящей Декларации) постановляется присвоить виду *homo sapiens vulgaris* статус особо охраняемого вида.

Подпункт 2. Объявить генофонд Земли и вида *homo sapiens vulgaris* особой ценностью планеты Земля и полностью запретить представителям этого вида покидать пределы Солнечной Системы без официального разрешения, исключив эмиграцию.

Подпункт 3. Отдельным подпунктом (см. указы «О статусе чистой крови» и «О сохранении биологического разнообразия») объявить женщин вида *homo sapiens vulgaris* особо охраняемым ресурсом повышенной ценности и установить уголовную ответственность за любые попытки вывезти женщин вида *homo sapiens* за пределы Солнечной Системы (см. «Уложение о наказаниях за незаконную предпринимательскую деятельность, контрабанду и торговлю наркотиками»).»

Из Декларации Законов Союза Двадцати Миров.

Глава 1.

– Надюха!

Она ловко увернулась от распахнутых рук. Петрович, как всегда, был в приподнятом настроении, хотя до конца рабочего дня оставалось еще почти три часа. Обычно он редко «принимал на грудь» так рано, и его никогда не видели на рабочем месте, не вяжущим лыка – в цеху за этим следили строго, даже строже, чем сама Надежда. Она порой сквозь пальцы смотрела на выпивающих подчиненных, поскольку лучше высшего руководства знала их способности и возможности. Тот же Петрович – мастер на все руки, на него чуть ли не молились на всем заводе. И то, что время от времени он позволял себе лишнего... ну, бывало. Но ведь не часто. Даже не раз в месяц.

Но вот сегодня...

– Надюха, ты чего? – слегка оторопел мастер.

Она холодно взглянула на него, подбирая слова. И это молчание – и невысказанные речи – отрезвили мужика больше, чем ушат холодной воды.

– Ты это... Надюха... Надежда Сергевна, – внезапно вспомнил он. – Ты чего? Случилось чего, а?

Она задохнулась. Случилось. Действительно случилось, только вот ее подчиненным и коллегам знать было не обязательно.

– Все в порядке, – заставила себя сказать. – Как там монтаж в котельной?

– Да продвигается.

– А с материалами что?

– Все есть, Надежда Сергевна. Ты не серчай, а? Просто ну... сын сейчас звонил – внук у меня родился. После трех внучек первый внук, представляешь?

Она покивала, чувствуя одновременно дежурную, «женскую» радость от того, что на земле продолжают рождаться дети, и горечь. Пролетела что-то похожее на: «Это замечательно! Поздравляю!» – и стиснула зубы, пережидая поток слов от новоиспеченного деда. У самого Петровича было трое детей – старший сын где-то болтался, не собираясь жениться, несмотря на возраст, дочка подарила ему двух внучек и на этом успокоилась, и вот младший сын после первой девочки обеспечил «продолжателя фамилии».

– Ну, как после такого не выпить? – сокрушенно улыбаясь, развел руками Петрович. – Но только ты, Надежда Сергевна, знай – я до конца рабочего дня ни-ни! Сейчас немного продышусь и за дело. А потом проставлюсь, после работы, само собой!

– Ты поосторожней там, – стараясь быть строгой, сказала Надежда. – Не лезь. Вон, пусть Николай сегодня постарается. А то он только баклуши бить горазд...

– Да что твой Николай понимает! Молодые они, – отмахнулся Петрович. – Им бы только деньгу зашибить. Работают тяп-ляп, кое-как, а сами хотят золотые горы получать. И на сторону поглядывают – где платят больше. А мы с тобой, Надежда Сергевна, жизнь прожили, понимаем...

Женщина прикусила губу. Что-то такое отразилось на ее лице, отчего Петрович вдруг смутился, сообразив, что ляпнул что-то не то.

– Ты это... ну... молодая, конечно, Надюха, – опять перешел он на фамильярный тон. – И выглядишь хорошо, и в самом соку... А сегодня вообще красавица – во! – оттопырил большой палец. – Эх, был бы я помоложе и не женатый, приударил бы за тобой, вот ей-богу, приударил!

Надежда покивала, попробовав отшутиться – мол, все вы только обещаете. С коллективом она старалась держаться ровно – с одной стороны, все-таки своя, чуть ли не с училища здесь работает, несмотря на заочное высшее экономическое образование, а с другой – жен-

щина и какое-никакое, а начальство. Распределение работ, сдача-приемка, всякие там комиссии-проверки и начисление зарплат и премий – все через ее руки проходит. Выше ее только начальник цеха, но сидит на своем месте крепко, его только с конторой отсюда и сдвинешь.

Настроение, тем не менее, испортилось – слишком много радости исходило от Петровича. Радости и за долгожданного внука, и просто так, за весь мир. Вот ведь человек! Практически пенсионер, в два раза ее старше, а умеет радоваться жизни. А она...

– Надежда Сергевна, да ты чего такая вялая? Случилось, что ль, чего? Опять наш Козлов дурит? Ну, так наплюй. Козлов – он козел и есть, – Петрович нутром почуял ее настроение. Еще бы ему не чувствовать – дома он жил практически в женском коллективе!

– Да все у меня нормально, – отмахнулась Надежда. – Просто... день рождения у меня сегодня, – помявшись, призналась она.

– Ой! – грубоватое лицо мастера пошло складками и морщинами. – Точно! Сегодня же тринадцатое! А я совсем забыл! И сколько тебе стукнуло?

В этом весь Петрович – где-то умелый и даже чуткий, особенно когда дело касалось работы, а где-то чурбан чурбаном. У женщин не принято спрашивать о возрасте, каковы бы женщины ни были! Но отшучиваться и кокетливо возражать: «Восемнадцать с половиной!» – Надежда не стала. Не то у нее было настроение с утра.

– Тридцать.

– Ух... круглая, выходит, дата? Это... ну... проставиться бы надо, Надежда Сергевна?

– Проставлюсь, – кивнула она. – Само собой.

– Ты да я, да мы с тобой, – Петрович опять попытался ее приобнять, – у меня внук, у тебя юбилей... Сегодня, а? Чего долго откладывать? Практикантку позовем, учетчицу... ну, Николай и Авдеич сами припрутся, куда же без них! Еще Никоненко и Ромаха... Посидим, отметим?

– Посидим, – кивнула она. – Отметим. А сейчас...

Голос ее чуть дрогнул, и Петрович мигом стянул с себя браваду и фамильярность:

– Понял! Пошел работать! – и уже у самых дверей обернулся и снова одобрительно вскинул большой палец: – А все-таки шикарно выглядишь, Надежда Сергевна!

Домой Надежда шла в подавленном настроении.

Петрович за три часа ухитрился раззвонить всему цеху, что у мастера юбилей, так что к концу рабочего дня – всего за три с половиной часа – ее поздравили по разику практически все. Даже начальник цеха, Козлов, и тот пожал руку и что-то проямлил по поводу того, что «ты – прямо наша Надежда, цветешь и пахнешь!» В обеденный перерыв ей пришлось ненадолго отлучиться, чтобы добраться до ближайшего минимаркета и срочно подкупить вина и закусок – той сумки с продуктами, которую она было принесла с утра, теперь казалось недостаточно. Выставил на стол свою лепту и счастливый Петрович – две бутылки водки и две банки домашних солений. Виновникам торжества вручили по конвертику, а Надежде – еще и букет гвоздик, явно купленных в том же минимаркете.

И все-таки настроение у Надежды было плохое, и, когда она в числе последних вышла с проходной – пришлось задержаться, убирая со стола грязную посуду – ей не хотелось ни с кем разговаривать. На остановке ждали автобуса несколько рабочих, среди них были одно-два знакомых лица, но женщине не хотелось к ним присоединяться. Сунув букет в опустевшую сумку так, что торчали только головки гвоздик, она не спеша пошла по обочине дороги. Завод находился на некотором отдалении от жилых домов, сразу за забором начинались дачные участки, и три остановки она собиралась пройти в совершенном одиночестве. А чего бояться? Район у них тихий, маньяков не водится. Кроме того, на женщин с такой походкой, как у нее, редко нападают – слишком она у нее быстрая.

Домой не хотелось. Вечерами – особенно осенними – ей часто не хотелось идти домой. Пока еще был октябрь, завтра Покров, и пока еще была золотая осень. В начинающихся сумерках пламенели клены и березы, через забор дачного кооператива в одном месте перевалилась целая борода дикого винограда – разлапистые листья пламенели насыщенным багрянцем, но многие яблони и груши начали облетать, и тут и там уже виднелись голые ветки с одинокими мелкими плодами.

Надежда не любила осень, еще со школы, когда их в обязательном порядке заставляли учить знаменитое «Унылая пора, очей очарованье...» А эта осень, тридцатая в ее жизни, обещала стать самой печальной. Первой в череде печальных унылых лет.

Полгода назад внезапно и скоропостижно умерла ее мама. Она и раньше замечала за собой «что-то не так», но крепилась ради дочери. А когда, наконец, прихватило так, что пришлось вызывать «Скорую», стало поздно. Рак яичников в последней стадии. Два месяца медленного умирания – и Надежда осталась одна.

Случилось это двенадцатого апреля. И на похоронах растерявшаяся Надежда – ни братьев, ни сестер у нее не было, имелась только родня со стороны матери – последний раз видела своего мужа. Тот, уже несколько месяцев как живший отдельно, явился на похороны навеселе, пожал ее двоюродному брату руку, пьяно пробормотал что-то: «На день космонавтики тещенька преставилась. Теперь сама к богу полетит, узнает, чего там на самом деле-то!» – напился на поминках, испортив все торжество, и исчез. Они развелись примерно за год до того, и с тех пор Надежда жила одна. Как-то так получилось, что за эти полгода она растеряла всех подруг, а родня по матери, пару раз попробовав построить отношения с одинокой родственницей, натолкнулась на стену отчуждения и скоро оставила попытки. Мол, гордая, не хочешь с нами общаться, ну и сиди сиднем в четырех стенах!

Нет, иногда ее пытались с кем-то познакомить. Молодая еще, красивая, с квартирой. Траур – трауром, но личную жизнь устраивать надо. Надежда отмахивалась. Особенно огорчало ее, что потенциальные женихи, которых иногда ей сватали подруги, действительно на нее западали. Она ведь на самом деле была красива и знала это. Ей еще со школы завидовали девочки: «Какая у тебя коса, Надька! А грудь! А талия! Эх, мне бы твою фигуру!» Все уверяли, что с такой внешностью Надежда непременно будет счастлива. Мол, разглядит ее принц на белом коне, женится, увезет к себе, и будут они с мамой, как сыр в масле, кататься...

Вот тебе и сыр. Вот тебе и масло. Вот и принц на белых «Жигулях». Да, она еще красива – не испорченная родами фигура сохраняла девичью стать – но сегодня обладательнице этой фигуры исполнилось тридцать лет. Да, у нее отдельная двухкомнатная квартира, но без мужской руки она нуждается в ремонте. Да, у нее приличная зарплата, но даже этих денег не хватило на то, чтобы спасти жизнь матери. Да, еще все впереди, но и позади осталось немало – неудачный брак, аборт и сразу за ним выкидыш, после которых врачи сказали, что она не может иметь детей. Этот диагноз – бесплодие – и заставляло Надежду раз за разом отмахиваться от женихов. Даже от тех, которые признавались, что, мол, мне от тебя не детей надо, дети у меня от первого брака уже есть, мне подавай женское тепло и участие! При этом никто никогда не говорил, что собирается давать ей...

Когда Надежда дошла до своего двора, начало темнеть, а во многих окнах уже загорались огни. И только три ее окошка чернели темнотой. Раньше мама зажигала огонь на кухне, дожидаясь дочери. А летом Надежда прибегала домой до того, как стало совсем темно. Скоро начнется зима и вот такое унылое возвращение в пустую квартиру станет в порядке вещей.

Дом встретил ее темнотой пустых комнат и тишиной. Иногда мелькала мысль завести кота или кошку – пусть хоть кто-то радуется ее возвращению! – но сама мысль о том, что где один кот, там и два, где два – там и пять, а потом в сорок лет она окажется классической... ну, не старой девой, но почти старухой с сорока котами. Нет, такой судьбы Надежда пока еще для себя не желала. Что она, что мама – обе мечтали о счастье, верили в него, ждали чуда.

Мама, правда, не дождалась. В тридцать три, понимая, что лучшие годы ушли, она взяла и родила «для себя». Надежда была ее надеждой в прямом смысле слова. Мама в юности одевала красивую дочку, как куколку, твердила, что с ее внешностью ей запросто найти себе жениха. Огорчалась, что дочка пошла после школы в училище, а потом – на завод. Мол, где ты там богатого мужа найдешь? Потом успокоилась, притихла.

Мама...

При мысли о ней глаза Надежды наполнились слезами. И ведь надо же, чтобы в такой день...

Праздничный стол был накрыт. Стояли расставленные с утра тарелки, в холодильнике ждали салаты, заливное и нарезка. Был куплен торт и бутылочка мартини. Подруги, которых она обзвонила накануне, наигранно-веселыми голосами обещали прийти, но честно предупредили, что у них маленькие дети, что завтра среда и надо на работу, а живут они не в соседнем подъезде, да и сегодня тоже дела есть, так что «мы забежим попозже и только на минуточку, поздравить, хорошо?»

Надежда взглянула на часы. Она приглашала всех к семи часам, понимая, что людям надо собраться и доехать. Оставалось еще полчаса. Она все успеет – и прическу, и макияж. Конечно, кто-то опоздает, кто-то заскочит впрямь на минуточку, но все лучше, чем одной.

В половине восьмого она стала в этом сомневаться.

Никто не пришел. В квартире стояла тишина. Только Минаковы отзвонились, мол, застряли в пробке на Кутузовском, куда заезжали за подарком, опаздываем, так что начинайте без нас. Надежда вздохнула, уверила трубку, что все понимает и, отключившись, чуть не заплакала. Она открыла мартини, поковырялась в салатиках, попробовала заливное – не пропадать же добру! – но в одиночестве кусок в горло не лез. И в восемь часов хлопнула дверью, выйдя из квартиры. Приедут Минаковы или нет, ей хватит сидеть в пустой квартире и ждать неизвестно, чего. Если судьба не стучится в ее дверь, она сама пойдет и постучится!

Кафе-бар находился на соседней улице. Небольшой уютный полуподвальчик, летом выставлявший несколько столиков под цветастыми зонтами. Надежда бывала там всего раз или два, еще при жизни мамы, и никогда так поздно вечером, как примерная девочка с работы сразу возвращавшаяся домой. Но сейчас был особенный день, и она решительно прошагала к стойке, заняла свободный стул и кивнула бармену.

– Мартини. Со льдом!

Играла музыка. Над стойкой вспыхивали и гасли в такт мелодии огни. Под потолком висели два телевизора – там крутили бесконечные клипы. Народа было немного – всего восемь человек, не считая ее. Две влюбленных парочки, уже начавшие самозабвенно целоваться, трое студентов, громко, чтобы перекрыть музыку, споривших о достоинствах и недостатках какой-то видеоигры, и одинокий, как она сама, мужчина на другом конце стойки.

Надежда не сразу обратила на него внимание. Она, если честно, лишь мельком скользнула взглядом по сутулой мужской спине, смакуя первую порцию мартини и раздумывая, что будет делать дальше. Тут было все-таки общество, тут она не чувствовала себя такой одинокой. Тут, что греха таить, можно было с кем-нибудь познакомиться. Пусть не на всю жизнь, но известно, что чудеса случаются там, где в них верят. Вот она внезапно и...

Она пила мартини и озиралась по сторонам, стараясь вести себя и выглядеть строго. Пусть не вздумают путать ее с девочками легкого поведения!

Бар постепенно заполнялся народом. Просто удивительно, как много людей вечерами, вместо того, чтобы сидеть дома, отправляются сюда! Как будто завтра суббота и их никто не ждет! А может, и правда никто не ждет. Или им так надоела семья, что хочется сбежать от нее хоть куда-нибудь... Надежда посматривала по сторонам, иногда поднимала глаза к экрану

телевизора, висевшему почти над ее головой. Музыка сливалась с гулом голосов, стуком стаканов, шарканьем ног.

Женщина выпила вторую порцию мартини со льдом и задумчиво посмотрела на бокал. Заказать еще или хватит? На нее уже начали обращать внимание завсегдатаи, косились с любопытством, пробовали заговаривать, но Надежда либо не отвечала, либо отвечала так односложно, что мало, кто настаивал на продолжении знакомства. И все же, что ей делать?

– Не стесняйтесь!

Она даже вздрогнула, чуть не подпрыгнув на стуле, и стремительно обернулась, хватаясь руками за стойку. Оказывается, тот мужчина, что вначале сидел, отвернувшись и ссутулившись, теперь выпрямился и вполборота наблюдал за нею.

– Не стесняйтесь, – повторил он негромко, но вполне отчетливо. – Если хотите заказать третью порцию, не стоит себе отказывать.

– А откуда вы знаете, о чем я думаю? – осторожно поинтересовалась Надежда.

– Догадываюсь, – он слегка улыбнулся.

У незнакомца был удивительно мягкий, бархатный и в то же время сильный и глубокий голос. Почему-то подумалось, что ее любимый певец Дмитрий Хворостовский должен говорить именно так. Надежда бы не удивилась, если бы узнала, что этот мужчина действительно заканчивал консерваторию по классу вокала. В баре было довольно шумно, но голос с легкостью обходил все препятствия, устремляясь к цели, обволакивал, баюкал, ласкал.

Под стать голосу была и улыбка – не бесшабашная мальчишеская усмешка, а что-то такое же спокойное, глубокое, затрагивающее, казалось, не только мышцы лица и взгляд, но и всю его фигуру до кончиков пальцев. Надежда поймала себя на мысли, что скользнула взглядом от лица незнакомца на его плечи и руки, проследив до крепкой загорелой кисти, обнимавшей стакан. А взглянуть снова ему в лицо она почему-то не посмела.

– Вы смущены, – это был не вопрос, а констатация факта. – Вам не часто приходится... общаться с мужчинами?

– Ошибаетесь, – она все-таки подняла взгляд. – С мужчинами мне приходится общаться довольно часто...

У нее целая бригада мужчин, не считая просто рабочих цеха.

– Но? – он опять улыбнулся. – Не стесняйтесь признать – всегда есть это самое пресловутое «но», ведь так?

Надежда кивнула.

– Вы молчаливы, – это опять была констатация. – Я вас смущаю? Мне уйти?

В любой другой день она бы кивнула и указала на дверь. Хватит с нее одного мужа и многочисленных женихов, которые только что слюни не пускали, глядя на ее фигуру, и так и норовили форсировать события, уже на первом свидании настаивая на пресловутой чашечке кофе. Но сегодня...

Надежда прикусила губу, чтобы не вырвалось отчаянное: «Нет!» – но, наверное, что-то было в ее взгляде, отчего мужчина внезапно улыбнулся еще шире, обозначив ямочки на щеках, и повернулся на стуле, непостижимым образом оказавшись рядом:

– Мне остаться?

Надежда выпрямилась, стараясь, чтобы он не прочел радости в ее глазах, скучающе окинула взглядом батарею бутылок:

– Бармен!

Тот придвинулся ближе.

– Двойной бурбон со льдом, – внезапно раздался над ее ухом тот самый бархатный баритон. – А даме чего-нибудь полегче.

Незнакомец уже сидел рядом, сохраняя, однако, дистанцию, и Надежда невольно порадовалась тому, что в кои-то веки раз попался порядочный кавалер. Не спешит полатать, готов платить. А его голос... и улыбка... и взгляд... и вообще он такой... м-м...

Когда принесли заказ, она замешкалась, и незнакомец пришел ей на помощь:

– Нам надо познакомиться. Аскольд, – он отсалютовал бокалом. – Мои родители были слишком... романтичны. Кроме того, у меня было подходящее отчество – Арнольдович.

– Красиво, – согласилась она. – Надежда Сер...

– Просто «Надежда». Можно?

Голос его как-то странно дрогнул, словно он готов был умолять ее о милости. В этом было что-то рыцарское, что-то от героев любовных романов, которые она иногда читала.

– Можно.

– Тогда, – он поднял бокал, – за знакомство?

– За знакомство.

Ей вдруг стало как-то удивительно легко и свободно. Жизнь заиграла новыми красками. «Осторожно, Надя! – шепнула она себе. – Ты едва знаешь этого Аскольда Арнольдовича. Ты познакомилась с ним в баре несколько минут назад! Еще неизвестно, за кого он тебя принимает. Может, за элитную проститутку!»

А, плевать! Сегодня ей исполнилось тридцать лет. Она разведена, бездетна, одинока. Несмотря на свою «модельную», как говорили подруги, внешность работает на заводе старшим мастером в цеху. В конце концов, самое страшное – что он ее убьет или изнасилуется, а может, то и другое сразу... Напиться, что ли, чтобы не было так страшно?

– Вам страшно? – шепнул ее новый знакомый.

– С чего вы взяли? – насторожилась Надежда.

– Ну, как же! Одинокая женщина, без спутника, и тут появляется некто, в эти самые спутники набивающийся. Причем они встретились не где-то на приеме, в гостях, их не представляли друг другу, так сказать, официально. Весьма странное знакомство. И подозрительное, не находите?

Она кивнула, но ничего не сказала.

– Вот поэтому я и не стал бы настаивать на продолжении, – мужчина одарил женщину еще одной улыбкой. – Мы с вами едва знакомы. Странно встретились и странно разойдемся. И даже вряд ли пересечемся завтра на улице – я ведь тут случайно, проездом. У меня всего двое суток... то есть, уже меньше, чем двое суток. Завтра в это время я уже буду в поезде.

– И... куда вы поедете? – Надежда все не решалась сделать глоток заказанного им напитка.

– В Архангельск.

– Вы... там живете? – она внезапно почувствовала разочарование.

– Нет, живу я в Красноярске, но моя работа предполагает частые разъезды. Даже за границу, в Прибалтику, Польшу, Европу... хотя туда в последнее время посылают все реже и реже. Да я и сам стал отказываться. Хочется побольше бывать дома...

– С семьей, – понимающе кивнула она.

– Семьи, как таковой, нет. Есть родители, есть сестра и племянница. Увы. А больше никого нет. И никогда не было, к сожалению. Я слишком часто в разъездах. Нет времени остановиться и... заняться личной жизнью всерьез. Я могу задать вам тот же вопрос или это будет нескромностью с моей стороны? Поймите меня правильно, но если у вас есть те, кто о вас беспокоится, вам не стоит подвергать их чувства такому испытанию.

– Нет у меня никого, – Надежда залпом выпила напиток, так толком и не разобрав, что ей налили. Какой-то аперитив, кажется. Она, кроме шампанского и мартини, практически ничего не пила и в напитках не разбиралась. – Даже кошки.

– Неужели? Так не бывает! Есть...

- Никого нет. И родителей, ни близких родственников...
- И друзей? Друзей тоже нет?
- Еще два часа назад я думала, что есть, но они... А, не хочу об этом думать. Я хочу еще выпить. Вот что это сейчас было?
- Бармен, повторите даме! – тотчас же крикнул Аскольд и заговорщически подмигнул: – Пусть это будет тайной. Должны же в жизни быть хоть маленькие загадки!
- Должны, – неожиданно развеселилась Надежда и сама крикнула: – Бармен! Скорее!

Это был необыкновенный вечер. Аскольд оказался таким странным собеседником! Он умел слушать и умел рассказывать, и неизвестно, что у него получалось лучше. Его бархатный голос просто завораживал. Как выяснилось, он действительно какое-то время подвизался на подмостках Красноярского театра, но после жестокой простуды потерял голос и был вынужден оставить сцену. И хотя его уверяли, что голос полностью восстановился, что-то простыло в нем самом. Он трудился консультантом в некоей фирме, раскинувшей филиалы чуть ли не по всей России и отчаянно искавшей выход за рубеж. Выходы имелись, но только как компании-спутнику других организаций. А им хотелось полной самостоятельности, чтобы напрямую заключать договоры с коллегами. На вопрос Надежды, с чем связана его деятельность, Аскольд небрежно бросил: «Компьютерные технологии!» – и переключился на нее. Узнав, что она работает на заводе, он не стал небрежно бросать: «С такой внешностью? Актрисой быть не пробовала? Или моделью?» – а просто кивнул головой, принимая это как данность.

Из бара они выбрались только через полтора часа, когда от духоты и пьяных голосов там стало невозможно не то, что дышать, но даже просто быть. Прохладный осенний воздух слегка остудил и отрезвил, ночная темнота после ярких огней показалась настолько глубокой...

- Как в космосе, – Аскольд запрокинул голову, глядя в небо.
- Что?
- Как в космосе, – он указал вверх, в бездонную черноту. – Только там звезды. Много звезд. А здесь...
- Неужели ты был в космосе? – рассмеялась Надежда.
- Нет, конечно! – он приобнял женщину за плечи. – Там никто не был... кроме пары сотен космонавтов... И никто не знает, как оно там на самом деле, но у нас дача за городом. Ночью выйдешь, прошу прощения, по малой нужде, поднимешь взгляд в небо – и забудешь, зачем выходил. А если отправиться на Красноярские Столбы с палаткой на пару ночей... Там вообще такое небо...

- Никогда там не была, – осторожно сказала Надежда.
- Решено. В августе берешь отпуск и мы едем в Красноярск. Покажу тебе наше небо. После этого тебе не захочется оттуда уезжать!

Голос Аскольда как-то странно дрогнул, изменившись, и у Надежды сжалось сердце. Неужели это все-таки случится?

- Пойдем к тебе?

Это сказалось как-то само собой, и Надежда, хоть и испугалась, но не удивилась. Сегодня вообще был удивительный день и... должно же и ей хоть когда-нибудь повезти! А если не повезет, то кому какое, в сущности, дело?

- Ты далеко живешь? – видимо, ее молчание Аскольд принял за сомнения. – Пойми, я бы мог вызвать такси до гостиницы, но какой смысл? Пока мы доедем, пока то, да пока се, уже и назад тебя провожать. А ты ведь не такую ночь хочешь?

Он заглянул в глаза как-то странно, требовательно и осторожно, словно боясь спугнуть робкую добычу. Это был взгляд настоящего мужчины, взгляд победителя, умеющего быть милосердным, и Надежда сдалась.

- Нет, это рядом, на соседней улице, только...

– Ты кого-нибудь ждешь?

В такое время суток к ней мог заявиться разве что бывший муж, и он в самом деле некоторое время после развода рвался в подъезд, трезвоня в домофон, пока соседи не пригрозили подать на него в суд. Мелькнула и пропала мысль о Минаковых, которые наверняка уже выбрались из своей пробки на Кутузовском, но... сколько сейчас времени? Не все ли равно?

– Никого я не жду. Но ждала. Так что не удивляйся.

– Ты сама удивительна, – ответил Аскольд и поцеловал ее.

Короткий, даже немного сухой поцелуй прервался почти сразу, но у Надежды подкосились ноги. Она сама не помнила, как дошла до своего дома, как они поднялись на четвертый этаж, как она открыла дверь. Все прошло, как в тумане, и единственной реальностью была рука Аскольда, который твердо и осторожно поддерживал ее под локоток.

Они начали целоваться еще в тесной прихожей, вынужденные толкаться в попытке пристроить верхнюю одежду на вешалке, но Надежда нашла в себе силы отступить:

– Извини, я...на минуточку. Ты... проходи. Это прямо...тут.

И юркнула в ванную, дрожащими руками закрываясь на щеколду. Ее всю трясло от волнения и предчувствия чего-то непоправимого. «Дура! Привела мужика. Ты с ним едва знакома. Откуда он вообще взялся? Краснодар... с таким же успехом он мог жить где-нибудь в Марьино или, на худой конец, в Люберцах! А ты... пить надо меньше», – попробовала она ругать себя за беспечность, но все возражения куда-то словно проваливались. Она не маленькая девочка. Ей уже целых тридцать лет. Тридцать лет! И потом – должно же хоть однажды повезти?

Послышался голос Аскольда. Он позвал ее, спрашивая, все ли в порядке.

– Да! – она рывком выпрямилась, взглянула на себя в зеркало. Вроде, макияж в порядке. Прическа только растрепалась и помаду она «съела». Хорошо, что рядом со стаканом с зубной щеткой стоит «дежурный» тюбик помады! Быстро приведя себя в порядок, Надежда вышла из ванной комнаты.

Аскольд успел зажечь свет в большой комнате и стоял возле накрытого стола, рассматривая салаты, заливное и пустые тарелки. Надежда мысленно похвалила себя за то, что машинально поправила нарушенные горочки салатиков и заменила грязную тарелку на чистую.

– Ты ждала гостей?

– Да, но никто не пришел.

– Это просто свинство с их стороны – бросить женщину в такой день! Не возражаешь, если мы тоже не будем их ждать и все тут сами съедим?

– Не возражаю.

Только тут она заметила, что мартини открыто, и в бокалах уже налито.

– Извини, – в голосе мужчины, тем не менее, была лишь спокойная решимость, – но я взял на себя смелость... поухаживать за тобой. Садись, – и галантно отодвинул стул.

Надежда опустилась на него, дрожащими руками взяла бокал. Все казалось ей сказкой. Каждая мелочь имела значение. Коснувшись губами напитка, она вдруг с удивительной ясностью поняла, что запомнит этот вечер на всю оставшуюся жизнь.

Сон сморил ее незаметно.

Никол Пшемыньски считал себя землянином во втором поколении. «Мой дедушка был родом из Кракова!» – любил повторять он, приписывая этому факту столько значимости, что на всех перевалочных базах и планетах, где Пшемыньски не боялся открыто заявлять о своей родословной и профессии, его не просто уважали, но и побаивались. Благодаря этому и на Кошачьем Глазе, главной пиратской базе в системе Тигровый Глаз, что располагалась на окраине туманности Ведьмина Голова, он сумел занять лидирующие позиции и входил в пятерку самых влиятельных гуманоидов. Правда, первым в пятерке он был с конца, но кого это волнует на базе с пятиллионным населением?

Под началом Никола Пшемыньски была целая эскадра из пяти крейсеров и около десятка малых катеров, не считая союзников, которые, хоть в свободное время летали сами по себе, по первому зову были обязаны явиться на боевое построение. Больше народа ходило только под рукой знаменитого на всю Галактику Хищника и некоторых его подпевал. И Пшемыньски вполне мог позволить себе купить небольшую планету и обосноваться там, почивая на лаврах, пока его корабли бороздят недра глубокого космоса, лишь принимая отчеты и отдавая приказы по дальней связи. Но космос слишком велик, чтобы позволить себе расслабляться. Вон даже у Великой Звездной Империи не хватает времени, сил и ресурсов, чтобы контролировать отдаленные окраины и колонии, что говорить о каком-то, пусть и успешном, звездопроходце! Поэтому покупка планеты откладывалась на неопределенный срок, а сам Никол Пшемыньски продолжал мотаться по Вселенной на своем флагмане «Краковяк», принимая участие во многих операциях, контролируя все, что может. Тем более, если речь шла о планете Земля. И особенно, если речь шла о землянках.

Солнечная Система, как особо охраняемое место, находилась не только в строго охраняемой экологами и социологами зоне. В этом квадрате Галактики само время порой выкидывало такие фортели, что некоторые корабли опасались даже проходить мимо. Земля была планетой с непредсказуемым временем. И если на Марс, Венеру, Плутон и некоторые спутники Юпитера и Нептуна корабли прилетали исправно, то уже посадка на Луну была сопряжена с определенными трудностями, а уж что касается самой старушки Земли... Сядь на ее поверхность, ты мог с уверенностью сказать только одно – посадка будет удачной, насколько тебе позволят приборы и твое умение. То есть, сядешь ты в любом случае и даже в заданной точке, но вот *когда* ты сядешь и *когда* взлетишь – большой вопрос. Ибо планета Земля находилась во временной петле, и приземляющийся корабль запросто мог вместо настоящего времени приземлиться в далеком прошлом или недалеком будущем. Ученые Союза Двадцати Миров давно уже установили, что сами факты посещения Земли пришельцами из космоса были тому причиной – каждый корабль, когда бы он ни сел на планету, менял ее прошлое и будущее самым фактом своего существования. Так называемый «Эффект бабочки» действовал в обе стороны. И это было главной причиной ограничения полетов – земляне изо всех сил пытались хоть как-то стабилизировать свою историю. Кому охота каждые пять лет полностью переписывать учебники истории и заново привыкать к тому, что те, кого в детстве считал народными героями, теперь, в результате темпорального феномена, считаются военными преступниками, позорящими само звание человека, а сами преступники вдруг становятся примером для подражания и гордостью «за свое славное прошлое»?

Дошло до того, что на Земле демонтировали все космопорты, оставив только три – Байконур, Мыс Канаверал и Гоби-1. Корабли с них летали только до Луны. А уж оттуда, соблюдая все формальности и рассчитав благоприятное время во всех смыслах этого слова – дальше, по трассам Солнечной системы и даже иногда за ее пределы. Активно с Союзом Двадцати Миров сотрудничали лишь Марс, Венера и Плутон, представлявшие там Солнечную Систему. Особое отделение Интергалактола патрулировало все ближайшие межзвездные трассы, стараясь не допустить никого постороннего. Но когда это законы писались для того, чтобы их исполнять?

Никол Пшемыньски принадлежал к тем людям, которые самым фактом своего существования бросают законности вызов. Его знаменитый дедушка действительно покинул планету Земля незаконным путем, и внук пошел по его стопам, став «черным» звездопроходцем – так в космическую эру сами себя именовали пираты, ибо все остальные названия мало подходили в мире, где нет дорог в привычном понимании слова, да и плащи с кинжалами давно стали музейными экспонатами.

Подлетая к Солнечной Системе, Пшемыньски вывел «Краковяк» на окраинную орбиту Урана, поскольку, благодаря его особой орбите, стартовать отсюда в глубокий космос было на порядок легче. Крейсер завис чуть в стороне от планеты, за пределами притяжения даже

его спутников, чтобы легче было удирать, а к Земле ушли три абордажных бота класса «Шершень» – не такие юркие, как «Москиты» и не так укомплектованные оружием, как «Осы», но скоростные и бронированные. И, самое главное, в брюхе «Шершня» могло поместиться до двадцати единиц «груза».

Только три «Шершня» могло поместиться в шлюзовой камере «Краковяка». Три – против целого флота Интергалактола – и это заставляло Пшемыньски нервничать. Время поджигало – во всех смыслах этого слова, со всех сторон. Кто знает, сколько «Шершней» вообще долетит до Земли, сколько приземлится в нужной точке времени-пространства, сколько стартует в нужное время и доберется с грузом обратно! У него их только три, а при таком раскладе надо тридцать!

И поэтому, когда искин доложил, что на радаре появился первый «Шершень», Пшемыньски еле сдержал эмоции. Не годится капитану прыгать по рубке, как мальчишке-стюарду!

– Пустой? – только и спросил он, когда «Шершень» подтвердил запрос.

– Частично, – последовал уклончивый ответ.

Что ж, уже хорошо.

Час спустя первый бот начал стыковку, а на радаре появился второй. Этот был настроен оптимистичнее, передав кодовое слово: «Завязал!» – и Пшемыньски потребовал бокал «Лунной дорожки» – своего любимого напитка. Если все так, как докладывают командиры абордажных групп, о судьбе третьего «Шершня» можно не волноваться. Скорее всего, его где-то подбили. Печально, но ожидаемо.

Дождавшись, пока искин доложит об успешном завершении стыковки второго «Шершня», он, смакуя «Лунную дорожку» лично пошел встречать груз.

Первый отряд уже завершил работу, о чем доложил командир десантной группы, Коротко кивнув, Пшемыньски отправился смотреть, как идет погрузка у второго «Шершня».

Переносная «заморозка» уже была смонтирована, и сейчас вовсю работала. Вялую, сонную девушку впихивали в камеру, быстро подавался парализующий газ, потом понижалась температура, после чего замороженное тело паковали в пластиковый контейнер, подключали датчики, подающие внутрь кислород, и отправляли готовый «продукт» на хранение. Врач внимательно следил за показаниями приборов, время от времени сверяясь с выведенными на планшет анализами – следовало учитывать вес, давление и физиологическое состояние «образцов» при дозировке газа и заморозки, иначе некоторые девушки могли бы и не проснуться. Хотя в криосне девушки не требовали ни пищи, ни воды, ни даже большого количества кислорода для дыхания, у этого способа все-таки имелись побочные эффекты – например, если у «объекта» при жизни было пониженное давление, сердце могло просто-напросто отказаться. Третий «Шершень» пока не показался на экранах радаров, и если он не явится до завершения процесса обработки груза, придется улетать без него. «Краковяк» и так проболтался в опасной близости от баз Интергалактола почти трое местных суток.

Девушки, заранее накачанные парализующим газом, большей частью не могли идти сами. Многих тащили под руки, а некоторых грузили, как мешки. Ни одна не трепыхнулась, ни одна не издала ни звука. Чистая работа.

Пшемыньски придирчиво осматривал каждую. Ему хватало тех нескольких секунд, когда усыпляющий газ уже был подан в камеру, но заморозка еще не сработала. Несмотря на то, что многие были одеты, их фигуры он успевал оценить от и до.

– Красавицы! – констатировал он, когда проводил взглядом уже двенадцатую девушку. – Как на подбор! Вы попали на какой-то заповедник красавиц или накрыли отель с финалистами конкурса красоты «Мисс Земля»?

Мимо пронесли шатенку, на которой было лишь нижнее белье. На вид она была старше большинства девушек, но ничуть им не уступала. А ее грудь вовсе заставила Пшемыньски

ненадолго задержать дыхание. Глубокий космос, вот это женщина! Вот достанется кому-то! Интересно, какого цвета у нее глаза? Серые или карие?

– Хороша, – невольно выдавил он.

– Других не держим, – ревниво откликнулся десятник группы. Невысокий ростом Пшемыньски – единственный свой недостаток, который он безуспешно пытался не исправить направленной терапией, а превратить в достоинство, – ревниво покосился на него.

– Да уж, – кивнул он. – К тебе бабы так и липнут.

– На том стоим! – улыбнулся десятник и невольно расправил плечи. Был он высок, строен, обаятелен и вообще хорош собой. – Как-никак, это моя работа.

– Да уж, – повторил Пшемыньски. – И что бы мы без тебя делали?

Десятник только хмыкнул, сверху вниз глядя на капитана. Он мог позволить себе подобное нарушение субординации, поскольку на нем – и еще парочке красавцев-соблазнительей – и держался этот бизнес. Избавиться от «завлекалки» означало завязать с работоторговлей раз и навсегда. А это был слишком доходный бизнес, чтобы отказываться от него.

– Кэп, погрузка закончена, – отрапортовал док. – Ровно тридцать пять штук. Анализы я взял, завтра-послезавтра будет готов результат... Грузите, ребята!

Упакованные в пластиковые контейнеры девушки были уложены штабелями. Сейчас их осторожно переносили на ленту транспортера, который должен был доставить их в грузовой отсек.

– Искин, – Пшемыньски тронул ладонью капсулу внутренней связи, – что на экранах?

– Зафиксировано движение в секторах а-16, в-2 и с-41, – бесстрастно отрекомендовал тот. – Определяю объекты. А-16 – прогулочный катер класса В. В-2 – тяжелый межзвездный крейсер за номером «Телец-18». В секторе с-41 патрульный катер класса А-1.

– «Телец-18»? – Пшемыньски прижал капсулу, усиливая звук. – А он что тут делает?

– Установить связь и задать вопрос? – потребовал уточнений искин.

Капитан тихо выпугался. «Телец-18» или «Черный Телец» был его конкурентом. Не то, чтобы оба капитана соперничали – что такое вольный звездодоходец-одиночка по сравнению с одним из самых влиятельных пиратов Кошачьего Глаза? – просто два работоторговца в одной точке – это *всегда* неприятности. И ведь известно, что многие «вольные» промышляют всем подряд – от открытия новых планет до грабежа малых транспортников. Но почему здесь и сейчас? Что, в Галактике других планет мало?

– «Шершня» нет?

– Не зафиксировано.

– Тогда всем-всем-всем, – Пшемыньски переключился на громкую связь, – минутная готовность. Старт за пределы системы через семьдесят секунд. Доложить о готовности!

– Есть!

– Есть!

– Есть! – полетело со всех сторон. Док выругался – его установку надо было отключить, частично демонтировать и только после этого возвращать обратно в медблок, где подключать заново. А на это надо минимум четыре минуты. Но экипаж, услышав о минутной готовности, кинулся по местам, спеша занять стартовые позиции, и он остался один фиксировать дорогой прибор к тем же стойкам, где обычно стояли мелкие юркие «Москиты».

Искин громко вел обратный отсчет секунд. Когда он дошел до цифры «четырнадцать», Пшемыньски плюхнулся в кресло и застегнул страховочные ремни. «Краковяк» начал разгон, чтобы покинуть пределы Солнечной системы и уйти в глубокий космос. В самый последний момент в душе неприятно кольнула мысль о брошенном на произвол судьбы «Шершне» со всем экипажем и грузом, но она тут же отступила под гнетом суровой необходимости. Лучше пожертвовать малым, чем погибнуть всем. Тем более что в трюме было тридцать пять земля-

нок. Достаточно большой куш, чтобы наплевать на потери. Тем более что в его работе они неизбежны.

Скучно!

Скука – вот то единственное слово, каким можно было описать работу в местном таможенном секторе. Скука и рутина. Хотя, надо признать, работа легкая и непыльная. Обычные суточные дежурства, когда просто сидишь и просто смотришь на экраны в надежде, что однажды на одном из них что-то шевельнется. Первое время он так и делал, подавшись вперед и тараща глаза до рези под веками. Но уже на десятые сутки устал. Ничего не происходило ни у него, ни у его сменщиков, ни тем более на соседних участках. А если что-то и мелькало, то датчики движения засекали нарушителя спокойствия и просто-напросто отсеивали все объекты меньше определенного объема и массы, фиксируя – и выводя на экраны – лишь те, что были намного больше. Многие операторы настолько привыкали к такому бездейственному действию, что на работе просто дремали, резались в видеоигры, зависали на порносайтах и даже читали книги. Гурий сам видел, как его сменщик, собираясь домой, запихивал в сумку планшет с «читалкой». А, проследив за взглядом юноши, ничуть не смутился, а вместо этого предложил: «Хочешь, дам почитать? Там даже фантастика есть!»

Гурий гордо отказался – мол, я работать сюда пришел, а не...

– Да знаем, – отмахнулся сменщик, – кто тебя сюда привел!

Гурий сердито засопел. Да, все знали, что начальник этого сектора – его родной дядя, старший брат матери. Все знали, что он опекает племянника и устроил его после выпуска из полицейского училища сюда на обязательную практику просто для того, чтобы у парня была отметка в трудовой книжке и, соответственно, необходимый стаж, ведь на таможне год засчитывается за два. Все это знали и за глаза называли маменькиным сынком, но сами-то они кто? Только по форме и являются полицейскими, а сами... сами даже, передавая смену, не торопятся закрывать в интернете окошки с порносайтами, да еще и подмигивают – мол, я там на такой сайт набрел, девочки и мальчики, что надо, пройди по ссылке, не пожалеешь! Гурий гордо кривился, вздергивая подбородок – мол, не на того напали! – и знал, что у него за спиной шепчутся, крутят пальцем у виска и не строят козней только потому, что у него дядя – начальник. На эти теплые местечки полно желающих. Чуть нажалуется капризный племянничек – и полетишь отсюда «за несоответствие занимаемой должности». И куда потом устроишься? Кое-кому до пенсии всего ничего. Протянуть бы последние пару годков...

Гурий маялся на работе. Нет, он прекрасно понимал, что мама и дядя хотели, как лучше. И даже отец, хоть и ворчал и вздыхал, но признавал, что так оно безопаснее. Но парню хотелось другого. Он с детства бредил именно работой в полиции – расследования, преследования, тайны и загадки, слежки и погони... Не пропускал ни одного полицейского сериала, прочел все книги о сыщиках, какие мог достать, занимался спортом, представляя, как будет бегать за преступниками, ходил в тир, закалялся, а в училище был одним из лучших. И мечтал.

Реальность дала трещину еще во время учебы, когда выяснилось, что даже в наше время – вернее, в наше время больше, чем когда-либо еще – полицейским приходится корпеть над бумажками, чем непосредственно ловить преступников. Вызвали тебя на место – изволь составить протокол осмотра места происшествия, записать имена и адреса свидетелей, задним числом оформить разрешение на выезд и заявление на аренду автомобиля, потом напиши отчет по результатам поездки, составь план работы по делу с приложением нескольких заявлений в различные инстанции, дождись, пока начальство одобрит твой план и составит встречный, скорректируй его и начинай работать, причем после каждого допроса, осмотра улик или проверки пиши еще один отчет, прилагай к делу, отправляй запросы по инстанциям – и так далее. Хорошо только одно – непосредственной бумаги использовалось мало, а файл так легко поправить. Да и нет нужды самому бегать по кабинетам – скинул текст отчета на почту начальнику и

жди ответа, не выходя из комнаты. Но именно это и выводило Гурия Хвата из себя. Он мечтал о настоящей жизни – а вместо этого угодил к таможенникам.

Дядя постарался, расписывая племяннику свою работу – дескать, тут и контрабанда, тут и незаконные попытки пересечь границу, и даже предотвращение террористических актов. Не жизнь, а сплошная романтика. В действительности все свелось к экранам, на которых чернел глубокий космос и случайно залетевший в сектор обзора астероид становился событием века.

Гурий ждал. Надеялся. Верил. Не хотел мириться с тем, что положенные три года так и просидит тут, листая окошки интернета и подремывая в перерывах. Пока учился, времени на то, чтобы лазить по всемирной паутине почти не оставалось – разве что в поисках нужной информации. А тут не прошло и полугода, как он просто возненавидел интернет, тем более что для работников таможни он, как для всех госслужащих, был бесплатным и безлимитным. Но рано или поздно приедается все. Даже безделье.

Гурий с отвращением смотрел на пульт управления. Он прекрасно знал назначение каждой клавиши, каждой кнопки и рычажка и первое время развлекался, меняя настройки. Просто от нечего делать, потому, что постоянно смотреть на экраны было скучно. Включить автоматику и предаваться безделью? Простите, мы это уже проходили. И сейчас он окинул пульт взглядом скорее по привычке: «Как ты мне...»

Что это?

Гурий сперва подумал, что ему мерещится – мол, уже от безделья галлюцинации начались. Но нет! Параметры «пределов допуска» были выставлены на максимум. А это значит, автоматика будет замечать и выводить на экраны данные лишь о самых крупных объектах, размерами не менее трехсот метров в диаметре и длиной не менее полукилометра, что намного превышает параметры...

Едва ли не впервые за полгода работы Гурий благословил наличие скоростного интернета. Первая же ссылка заставила его полезть в затылок. Размер триста на пятьсот был характерен для крупных метеоритов, ядер комет и... грузовых транспортных судов средней вместимости, а также средних и малых пассажирских лайнеров. Но намного превышал размер для малых транспортников и частных катеров. Кроме того, подобный режим позволял не замечать метеориты диаметром менее ста метров. А ведь астероид с таким диаметром мог бы нанести Земле колоссальный ущерб. Тот же интернет выдал информацию по шести классам малых судов, на которых на Землю вполне могли незамеченными прилететь не совсем желанные гости.

Саботаж? Или просто разгильдяйство?

Спокойно, парень. Спокойно. Ничего еще не случилось. Ну, положил его сменщик на пульт контейнер с едой и случайно сдвинул рычажок. Или задел локтем. Или книгу бросил и чуток промахнулся. Бывает. Сколько там тебя на месте не было? Всего трое суток. За это время ведь на Земле ничего не произошло? Иначе СМИ просто сорвались бы с цепи, смакуя живописные подробности того, что наделает с планетой астероид, рухнувший в океан или армада пришельцев из космоса. Но в новостях нет даже намека – мол, ученые обнаружили, а служба контроля подтвердила... Так что тихо, без паники, осторожно проверяем все системы.

Сказать по правде, Гурий даже обрадовался внештатной ситуации – хоть какое-то развлечение. Он несколько раз проверил и перепроверил все, дважды запустил полную диагностику системы на предмет вирусов – мало ли, что можно подцепить в интернете! – использовал на четвереньках весь кабинет, ища неплотно прилегающие кабели. Вдобавок сунул нос в щитовую и звякнул на пост дежурного, чтобы справиться, не было ли сбоя в работе. В общем, занял себя на три часа. И, вернувшись к пулту, оторопел.

Экраны больше не зияли черной пустотой. Они были испещрены огнями и силовыми линиями, а на мониторах непрерывным потоком ползли, бежали и текли линии, отмечающие пути пролета метеоритов, мелких и крупных камешков и даже трассы трех – мама дорогая,

трех! – космических кораблей, которые вот прямо сейчас пересекали их сектор. Четвертый, оказывается, успел уйти из поля зрения, пока незадачливый таможенник лазил под столом.

– С ума сойти! – прошептал Гурий. А он-то полгода смотрел на пустые экраны и ничего этого не видел! Ему сделалось жутко от одной только мысли о том, сколько же он пропустил.

– И сколько пропустили мы все!

Он бросил взгляд на часы. Дядя прибывал на работу только через полчаса. Проверял дежурных, просматривал почту, высиживал «на всякий случай» еще пару часов и отбывал вскоре после обеда. Мол, зачем начальнику стоять у подчиненных над душой, если все работает нормально. Нормально? Как бы не так!

Гурий с трудом смог дождаться десяти часов. Вытерпел еще несколько минут, «на всякий случай», кусая от нетерпения губы, и позвонил по внутренней связи.

– А, младший техник Хватов! – приветствовал его дядя. По связи он всегда величал его только так, лишь наедине позволяя фамильярности типа «племяш» и «малыш». – Сегодня твое дежурство? Как служба?

– Старший инспектор Киструс, – сейчас Гурий при всем желании не мог бы назвать его просто дядюшкой, – я... у меня важное сообщение.

– Что еще случилось? Кофе кончился?

– При чем тут кофе?

– Заболела мать и вам нужен отпуск? Или...

– Да все у нас в порядке. Просто... я обнаружил вопиющее нарушение инструкций!

– Чего? Каких еще инструкций?

Путаясь в словах – неприятно говорить, когда не видишь лица собеседника и не можешь угадать его реакцию – Гурий попытался объяснить, в чем дело.

– Ну и что? – была единственная реакция дяди. – Из-за этого ты мне звонил?

– Но ведь вы себе не представляете, сколько всего мы из-за этого пропустили! Я подсчитал – есть шесть разновидностей космических судов, малой и средней вместимости, которые меньше заданных параметров. Система слежения их просто не видела и пропускала... Я уж не говорю о метеоритах, астероидах и...

– И что с того? Ты что, будешь тормозить и тащить на допрос каждого туриста-частника? А астероиды... надо же и ПКО* чем-то заниматься! А то, понимаешь, жиром зарастают... Так что все в норме...

(*ПКО – служба Противо-космической Обороны. Прим. авт.)

– В норме? Но...

– Не переживай. Раз в месяц мы запускаем экстренную проверку. Тогда мимо нас комар не проскочит.

«Комар»! Гурий нервно усмехнулся. «Комарами» назывались самые мелкие боты, которые, в отличие от «Москитов», не покидали атмосферы, поскольку имели слишком слабые двигатели, чтобы выходить за орбиту. До таможенной станции – и ее радаров – они долететь не могли физически.

– А за этот месяц, – рискнул спросить он. – Кто знает, сколько кораблей прошмыгнуло мимо нас за месяц!

– Нисколько, – огорошил его дядя. – Забыл, где ты живешь? Мы – закрытый мир. Наш сектор никто не посещает без предварительной договоренности, согласованной за месяц. В год бывает от силы десятков посещений. Десять! А месяцев в году – двенадцать. Чуешь? Так что расслабься и служи.

– Я служу, – промямлил Гурий, – но...

– Вот и не отвлекай меня от дел. Позвонишь, когда обнаружится действительно что-то важное.

Связь прервалась.

Гурий сидел, как оплеванный. «Действительно что-то важное». Таможня не выполняет своих обязанностей, закрывая глаза на снующие туда-сюда корабли – и это не важно? Они не хотят замечать ничего, уверенные, что в закрытом секторе ничего не происходит?

Он запрокинул голову, глядя на экраны. Мерцали звезды. Плыли вдалеке астероиды и мелкие метеориты – мелкие, естественно, относительно. Пунктиром шел искусственный спутник. На боковом экране появилась орбитальная станция – такая же, как та, на которой служил Гурий.

И вдруг...

Да, это банально, но всегда всё так и начинается. Вдруг.

Точка. Светящаяся точка, мигающая огнями в каком-то незнакомом ритме и движущаяся чересчур уверенно, как-то целеустремленно. Гурий подался вперед, осторожно подкручивая настройки.

Малый бот незнакомой конструкции. Расстояние было чересчур велико, автоматика не справлялась с увеличением, но все-таки в конце концов его удалось идентифицировать как «Шершень». Тяжелый скоростной грузовой бот, который, если верить интернету, на Земле никогда не использовался. И в Солнечной Системе на данный момент (статья в Википедии была датирована позапрошлым годом) на вооружении не стояло ни одного «Шершня» такого класса, как тот, который торопливо пересекал квадрат.

Гурий схватился за голову. В училище им на факультативе, конечно, читали краткий курс о посещающих Землю кораблях. Мол, если попадете служить на Луну или вас случай забросит на Венеру или Марс, можете столкнуться вот с этими судами. «Шершень» относился к военным катерам, на таких обычно высаживался десант на дикие планеты, но выходящие в отставку десантники иногда покупали списанных «абордажников» и переоборудовали их в частные суда. Так сказать, ностальгия. Однако, именно этот «Шершень» не выглядел мирным. И он летел *от* Земли. И, судя по предварительному, на глазок, расчету, его путь лежал отнюдь не в сторону Марса, Венеры или Юпитера – хотя бы потому, что именно сейчас все три планеты находились с противоположной стороны. Оставалась либо Луна, либо Плутон, либо...

Глубокий космос.

И прежде, чем понял, что делает, Гурий до отказа утопил в гнездо тревожную кнопку.

– Код четыре. Незаконное пересечение границы.

Два часа спустя он стоял перед своим начальником, вытянувшись по струнке.

– Как это понимать? – голос дяди был обманчиво мягок, но глаза метали молнии. – Ты что себе позволяешь? Мальчишка, сопляк! Сигнал общей тревоги, звонок в службу ПКЮ, активация зенитно-ракетного комплекса, да еще и боевая тревога! Здесь! Сейчас! И... *у меня!*

– Но ведь это был «Шершень»! – упирался Гурий.

– Ну и что? Теперь на каждый транспортник мы должны охоту открывать?

– Это был *не наш* «Шершень»! Он не отвечал на позывные! Он отказался назвать свой код и лечь в дрейф!

– Зачем?

– Ну... Для досмотра.

– Для *чего?* – начальник прекратил метаться по кабинету и остановился, прищурившись.

– Для таможенного досмотра с целью выявления незаконного груза, контрабанды или иных нарушений, – отрапортовал Гурий. – Согласно таможенному кодексу мы обязаны досматривать все суда, вылетающие с планеты Земля.

– Обязаны мы! – фыркнул дядюшка. – Ничего мы не обязаны. Это пусть у чиновников с Луны и Венеры головы болят. Мы – Земля, запомни это раз и навсегда. У нас уникальный статус в Галактике. Мы – закрытый мир. То есть, находящийся в добровольной самоизоляции во избежание, так сказать, конфликтов и лишних человеческих жертв. Да, мы с тобой обязаны

стоять на страже наших интересов, но при этом и не забывать, что здесь все не так, как на других планетах. Мы – это мы, а они – это они. У нас свои законы, у них – свои. Они не вмешиваются в нашу жизнь, но и мы позволяем им жить так, как они сочтут нужным.

– Значит, – Гурий нервно сглотнул, – надо позволять пришельцам расхищать наши... э-э...природные богатства?

– А с чего ты взял, что они что-то расхищают?

– Ну... есть же товары, технологии и сырье, которое не подлежит вывозу. Я учил... сдавал экзамены... Я помню. Это наша литература, наша музыка, в том числе эстрадные песни, представители животного и растительного мира, а также человеческие ресурсы, генофонд, так сказать.

– «Генофонд»! Это не твоего ума дело. Тебе главное сейчас – тихо-мирно отсидеть здесь еще два с половиной года для наработки минимального стажа, после чего для тебя будут открыты все пути. Мы с твоими родителями уже обо всем позаботились.

– Я хочу сейчас.

– Что?

– Я, – Гурий расправил плечи, – хочу уйти сейчас.

– Не понял? – дядя подошел, заглянул в глаза. – Какая муха тебя укусила?

– Не муха. Шершень.

– Глупости. Сходи в медотсек и...

– Вы меня не поняли, дядя. Я здоров. Просто я... больше не хочу работать в таможне. Я собираюсь подать прошение о переводе меня в патрульную службу.

Когда набирал полную грудь воздуха для произнесения этих слов и даже когда уже начал говорить, Гурий испытывал сомнения, но едва фраза прозвучала, юноша понял – это именно то, чего ему не хватало в жизни. То, к чему он стремился с самого начала. Этот «Шершень»... Он не просто удрал, огрызаясь в ответ на все просьбы и приказы остановиться – он еще и унес с собой спокойствие молодого человека. Тот понял, что ни за что на свете не останется на прежнем месте. Как можно спокойно жить, зная, что его коллеги – и родной дядя! – сознательно закрывают глаза на то, что творится буквально под самым носом! «Это не твоего ума дело». Нет, именно пустое сидение здесь не его ума дело.

Дядя еще что-то говорил, увещевал, убеждал, даже угрожал обо всем рассказать матери, но Гурий уже не слушал. Он даже не дослушал тираду начальника – сделал поворот налево кругом, как в училище и вышел из кабинета. В ушах его звучали позывные далекого космоса.

Глава 2.

В Галактике не так уж и много планет таких, как Меняла Альфы Скорпиона. Официально входящая в Лигу Свободных Планет, она была настолько сама по себе, что чаще всего ее звали просто Менялой. Не обладая военным флотом и системами защиты, она тем не менее была настолько известна на всем протяжении Млечного Пути и за его пределами, что напасть на Менялу мог только тот, кому в голову не пришло другого, менее экстравагантного, способа покончить с собой.

Меняла была вне системы. С нею считались Великая Звездная Империя, Союз Двадцати Миров и Лига Свободных Планет, которая, будучи весьма нестабильным образованием, порой не считалась даже сама с собой. Более того – многие негуманоидные расы тоже уважали статус Менялы, вследствие чего там практически не было межрасовых конфликтов.

На самом деле это была не одна планета. Вокруг Альфы Скорпиона вращалось семь небесных тел, из которых пять были пригодны для жизни и еще две служили ремонтными базами и свалками отходов, на которых, если хорошо поискать, можно найти все, что угодно – от вполне новенькой кофеварки до космического корабля, который нигде не примут даже по цене металлолома. И каждая носила название «Меняла» с добавлением порядкового номера. Отличающиеся друг от друга по физическим параметрам – на двух из них гуманоиды не могли продержаться без скафандра дольше пяти секунд – все пять обитаемых планет имели одну общую черту. Все пять представляли собой один огромный рынок. Здесь было сосредоточено больше обменных пунктов, торговых представительств, торговых площадей и просто контор, специализирующихся на финансовых операциях, чем на всех планетах, входивших в Союз Двадцати Миров.

Конечно, существовали и другие большие торговые миры, например, Аукцион в системе Орла, Ярмарка-1 и Ярмарка-2 в туманности Ориона, несколько астероидов, которые вращались вокруг Метрополии – столицы Великой Звездной Империи и знаменитый Мегамаркет, куда летали исключительно ксеносы и куда гуманоиды попадали разве что в качестве товара или как наемные рабочие, сопровождающие ценный груз. Но только Меняла имела особый статус – здесь и только здесь могли открыто совершаться сделки по купле-продаже живого товара. На Менялу за рабами летали все, кто у себя дома не хотел иметь неприятностей с законом. Чип, вживляемый рабам здесь, автоматически защищал владельца от проблем.

Нет, конечно, существовали и другие невольничьи рынки, но их масштаб был далеко не тот. И чаще всего на них перепродавались либо списанные подержанные модели киборгов, либо те рабы, которых уже купили на Меняле. Либо – что гораздо чаще – в качестве товара выступали ксеносы.

Короче говоря, если ты хочешь продать женщину с Земли и не нажить себе проблем, лети на Менялу.

Что Никол Пшемыньски и мог бы сделать, если бы не одно «но».

Он все-таки был Николом Пшемыньски и знал, что если закон нельзя обойти, то это неправильный закон. И знал, что, если немного подделать документы, то на Аукционе можно продать партию куда как дешевле, а если слетать на любую планету Лиги Свободных Планет и ухитриться провезти груз через таможеню, то его там с руками оторвут, какую бы цену ни заломил.

Да, землянки были товаром. Товаром уникальным, скоропортящимся и пользующимся спросом, несмотря ни на что. Ибо были в первую очередь *женщинами*.

Проблема заключалась в самой Галактике. Когда человечество вырвалось в открытый космос, оно было шокировано его размерами. Количество планет, которые оказались пригодны

к жизни, поражало даже тренированное воображение писателей-фантастов. Практически в каждой системе, если в ней имелось больше трех планет, хоть одна была пригодна для жизни. И каждая вторая из пригодных вполне подходила для людей. Только за первое столетие земляне открыли больше сорока планет земного типа, только и ждущих того, чтобы их заселили. Но кем их заселять? И когда? Ведь, кроме землян, Галактику бороздили корабли и других разумных рас – веганцы, уриане, змеелюды, меоры, гламры, не считая существ, которые казались выходцами из ночных кошмаров. Большие и малые расы вот уже больше тысячи лет активно осваивали миры, и уступать каким-то двуногим выскочкам не собирались. Несколько коротких злых войн немного изменили соотношение сил – с людьми начали считаться, их допустили на рынок, так сказать, приняли в семью, но на правах бедного, хотя и очень наглого родственника. Ибо земляне, при всей их активности и склонностям к риску и авантюрам, существенно уступали многим братьям по разуму. По крайней мере, первые два столетия.

Земляне медленно размножались. Женщины-землянки в прошлом так активно отстаивали свои права, так боролись за то, чтобы заниматься мужскими профессиями и заставить относиться к себе, как к мужчинам, что практически перестали рожать детей – дескать, это унижает наше женское достоинство и отбрасывает женщину вниз на социальной лестнице. Только после тридцати пяти лет землянки вспоминали, что «часики-то тикают» и начинали искать себе мужа. Если им везло в поисках, они обзаводились двумя-тремя ребятишками, если нет – ограничивались одним отпрыском или навсегда оставались «в активном поиске». Так что большинство открытых планет колонизировать было просто некому. Правительства вновь открытых земель пускалось во все тяжкие, чтобы увеличить население. Даже пробовали клонировать людей и подселять зародыши человекообразным обезьянам, используя их как живые инкубаторы. Где-то такие меры помогали решению проблем, а где-то – нет.

Вдобавок, космос подбрасывал своим новым детям одну задачку за другой. На некоторых планетах обнаруживали излучение или вредные влияния среды, из-за чего менялись сами люди, так что не прошло и трехсот лет, как ученые заявили – единого вида «гомо сапиенс» больше не существует. Есть два вида – *homo sapiens vulgaris* и *homo cosmicus*, а также шесть их подвидов. И, как и положено отдельным подвидам, они стали развиваться своим путем, практически не смешиваясь друг с другом, как и положено подвидам, оказавшимся на разных планетах в разных уголках Галактики. И по-прежнему остро стояла проблема увеличения численности населения – во всех его, так сказать, видах.

Выход был найден – оказалось, что земляне вполне могут иметь детей не только от представителей, так сказать, родственных видов, но и кое от кого из гуманоидных рас. Тех же веганцев, например. Но сама идея использовать людей для размножения показалась настолько безнравственной, что от нее отказались и запретили даже статьи на эту тему. Однако запретный плод оказался сладок, и многие торговцы наладили подпольный бизнес, торгуя землянками и поставляя их на те планеты, где существовала проблема народонаселения. Вырванные из привычной среды, молодые женщины и девушки были обречены на роль самок-производительниц. На них ложилось бремя увеличения количества людей в Галактике старым добрым способом, ибо, как выяснилось, клонированием проблему не решить. Клоны получались слишком тупыми, заторможенными, не способными к интеллектуальному труду. Думать и мыслить, рассуждать и принимать решения за них должен был кто-то еще – либо начальник, либо... компьютер. В последнем случае получились киборги – сильные, выносливые, но... не решительные. Так что даже почти тысячу лет спустя, как и в самом начале космической эры, спрос на молодых здоровых землянок оставался по-прежнему актуален, хотя и был сопряжен с риском.

И, конечно, этим не могли воспользоваться те, для кого риск был, так сказать, нормой жизни. Те, кого звали «черными» звездопроходцами, а в просторечье – пиратами. Тем более что и у более старших рас работорговля была делом обычным.

«Краковяк» завис на орбите Аукциона, благоразумно держась подальше от основных трасс, и Пшемьньски приказал связаться с Шоххом – своим посредником в торговых делах на этой планете. Шохх был змеелюдом, и, кстати сказать, единственным не-гуманиодом, с которым ксенофоб Пшемьньски вел дела. Остальных нелюдей он лишь терпел, но даже в свой экипаж не принимал, считая, что меоры, например, слишком волосаты, гламры чересчур малы и вдобавок *пахнут*, у веганцев синяя кожа и фасеточные глаза насекомых, уриане вообще разумные растения. Змеелюды тоже не были двуногими – это были змеи, у которых имелось восемь коротеньких гибких ручек, представлявших собой видоизменившиеся щупальца-жабры. Но змеелюды были признанными торговцами и посредниками во всех сделках. У них были торговые представительства на многих развитых планетах, а некоторые являлись солидными воротилами теневого бизнеса и владельцами развитой сети банков.

Шохх отозвался не сразу – пришлось ждать более получаса. Когда его физиономия появилась на экране, стало ясно, что дела его плохи – кожа на голове посерела, стала какой-то дряблой, а по углам рта обвисла складками. В одной месте она даже слегка треснула, и между выпуклыми чешуйками сочилась беловатая жидкость. Запашок, наверное, покруче, чем от вечно вонючих гламров.

– Ты неважно выглядишь, друг мой, – после короткого обмена приветствиями сказал Пшемьньски.

– Наступает время линьки, – проскрипел тот. – Мне пора на покой...

– Жаль. Я хотел предложить тебе сделку...

– Боюсь, мне сейчас не до того. Я сворачиваю свой бизнес, – змеелюд пошевелил конечностями. – Ухожу.

– И... когда?

– Как только закончу строительство кокона. Сегодня у меня закрылись еще две конторы.

– Жаль, – человек изобразил сочувствие, хотя больше всего на свете сейчас ему хотелось придушить скользкую тварь. – Тогда, может быть, посоветуешь мне кого-нибудь из своей родни... чтобы вместо тебя провел сделку. Скажем, кто-нибудь из твоих наследников или братьев? Ведь все твои ровесники уже стали братьями, не так ли?

У змеелюдов была одна особенность – все детеныши появлялись на свет одного пола – самочками. Но после первой кладки большинство превращались в самцов. Остальные теряли вообще признаки пола и становились воспитателями нового поколения змеелюдов. Дети и их воспитатели никогда не покидали планету, лишь прошедшие метаморфоз самцы расселялись по мирам, навещая родину лишь для того, чтобы из числа подросших самочек выбрать себе подругу жизни и вместе с нею произвести на свет потомство – единственный раз в жизни.

– Да, у меня есть здесь несколько братьев... правда, большинство из них тоже собираются уйти в спячку, но, возможно, я бы смог доверить твое дело одному-двум... если буду знать, что рекомендовать. Мы ведь все заняты в разных отраслях!

– Понимаю. Так, надо пристроить небольшой груз... помочь с растаможкой, оформить документы и устроить распродажу... с выплатой посреднику стандартных комиссионных.

– Что за груз?

– А, – Пшемьньски махнул рукой и сделал вид, что собирается подавить зевок. – Мелочь. Всего три дюжины землянок...

Шохх раздул горловой мешок так, что натянулась его бледная кожа и стали видны отдельные чешуйки и кровеносные сосуды.

– З-землянок? – прошипел он, с присвистом выпуская воздух из мешка. – В с-самом деле? Три дюж-шины?

– Понимаю, – соскучившись, кивнул Пшемьньски, – партия не велика. Так... мелочи, которыми не стоит и затрудняться, тем более что ты занят... Кто-нибудь мог бы...

– Три дюж-шины, – шипел змеелюд. – Целых три...

– Почти три, но это...

– Это сущ-щес-ственно меняет дело, – змеелюда всего трясло. – Это... это... я с-сам этим займус-сь. Вс-се эти племянницы и братья – они слиш-шжом молоды, чтобы взятьс-ся за это дело как с-следует.

Он все шипел, то раздувая горловой мешок, то выпуская из него воздух, и нервно дергал лапками. Эка, его разобрало! Еще бы! Молодая здоровая землянка стояла так дорого, что при любой накрутке посреднику достанется значительный куш. А всем известно, что змеелюды ради прибыли готовы раздавить собственную кладку. Пшемыньски еле сдерживал торжество. Ему удалось не просто задеть Шохха за живое, но и заручиться его помощью и поддержкой. Теперь о судьбе товара можно не беспокоиться. Он откинулся на спинку кресла и щелкнул пальцами, подзывая стюарда.

Пробуждение было не из приятных. Желудок внезапно скрутило острой болью. Волна тошноты поднялась так быстро, что Надежда еле успела перевернуться на бок, но вместо рвоты ее лишь сотряс спазм. Судорожно задержались все мышцы. Странная реакция. И тошнить перестало. Лишь кружилась голова и во всем теле была слабость.

«Как это я вчера ухитрилась перебраться? – мелькнуло в голове. – Вроде бы не с чего и негде... Черт, почему же мне так плохо?»

В голове стоял туман. Тело, после того, как схлынула судорога, было как ватное – ни рукой пошевелить, ни ногой. Шевелиться вообще не хотелось. Как и открывать глаза. Она было попробовала это сделать, но белый потолок, натянутые вверх лампы и предметы вокруг начали вращаться с такой бешеной скоростью, что женщина зажмурилась, пережидая, пока комната не примет привычные очертания. А то все это слишком смахивало... на что?

На больницу? Может ли такое быть? Она заснула... где? Кажется, у себя дома. А пробудилась...

Женщина прислушалась. Неприятные ощущения в теле медленно проходили, и одновременно звуки, запахи и прочие признаки существования внешнего мира все громче и сильнее врывались в сознание. Резкий незнакомый запах чего-то острого, отдающего лекарствами и стерилизацией. Мягкое мерное гудение и пощелкивание, которое могли издавать только включенные приборы. Ощущение собственной наготы и липнущих к коже датчиков.

«Больница, – пришла в голову здравая мысль. – Я в больнице. Что случилось? Я все-таки чем-то отравилась и меня в бессознательном состоянии доставили сюда на «Скорой»? Похоже на то. Но как и когда это случилось?.. Аскольд! Он! Больше некому! Вот ведь... позаботился!»

В душе волной поднялась благодарность к малознакомому мужчине, который полночи, наверное, хлопотал ради случайной знакомой и отвращение к самой себе. Только-только встретила порядочного человека – и так перед ним опозорилась! У них могло бы быть будущее, а теперь... что он подумает теперь о женщине, которая отравилась мартини? Может быть, что-то было в самом напитке? Как это проверить? Кого стоит благодарить за то, что она отравилась? Или ее отравили нарочно... тот же Аскольд, например. Подсыпал что-то в бокал, пока она приводила себя в порядок, дождался, пока она потеряет сознание, вызвал «Скорую», чтобы не возникало подозрение, а сам...

Что – сам? Обчистил квартиру? Да, у нее было немного ценных вещей, золотые и серебряные украшения, кое-какие антикварные вещички, оставшиеся еще от прабабушки, немного наличных... Неужели польстился? Надежда слышала, что порой убивают за меньшее и почувствовала даже что-то вроде благодарности – все-таки отправил в больницу, а не на тот свет. Или «Скорую» вызвали припозднившиеся Минаковы? А может, соседи? Что они теперь о ней будут думать?

Как бы то ни было, лежа вот тут, с закрытыми глазами, она ничего не узнает. Тошнота прошла, осталась только слабость, но она справится. Надо лишь взять себя в руки и...

Надежда открыла глаза.

И оцепенела.

А потом зажмурилась снова, уже до красных и зеленых пятен под веками. Успокоившееся было сердце забилося часто-часто.

«Я сплю, – подумала она. – Или сошла с ума. Или мне просто снится кошмар! Ведь этого не бывает? Или...»

Кошмар находился среди приборов странного вида. Какие-то экраны и пульта, парившие в воздухе и соединенные тонкими гибкими проводами-струнами-шлангами с датчиками, липнувшими к ее телу. Она лежала на кушетке в длинном светлом зале с низким сводчатым потолком без окон и дверей. Справа и слева от нее на равных расстояниях на таких же кушетках лежало еще несколько обнаженных молодых женщин и девушек, точно также облепленных датчиками, которые подсоединялись к парившим в воздухе экранам. Слышалось мерное иканье, гудение, порой переливчатые звуки. Все это наводило на мысль о фантастических фильмах про пришельцев из космоса.

И самое жуткое и невероятное было то, что пришельцы здесь... *были*.

Трое.

Невысокие, с бледной кремового оттенка кожей, однако, вполне человекоподобные, тем не менее, они были и казались настолько чужими, что Надежде стало страшно. Как ни в чем не бывало, они переходили от кушетки к кушетке, что-то делая с нависшими над бесчувственными девушками приборами. Кто все эти люди? Куда она попала? Что происходит?

Пронзительный писк раздался над ее головой, и одно из... существ развернулось в ее сторону с какой-то странной грацией, словно двигалось в толще воды. Под обтягивающим тело комбинезоном нетрудно было заметить очертания плоской фигуры, но, несмотря на чуждые черты лица и саму фигуру Надежда угадала, что перед ней женщина. То ли по взгляду, то ли по особенному тембру голоса, то ли...

Инопланетянка взглянула Надежде в глаза, быстро коснулась тонкими гибкими пальцами некоторых приборов, словно сомневаясь в их реальности, потом что-то быстренько прочиркала в укрепленный в уголке маленького рта микрофончик и засуетилась над землянкой.

– Где я? – попыталась окликнуть ее Надежда. Женщина что-то пискнула, сделав рукой странный жест. Ни звуки незнакомого голоса, ни жесты были непонятны. Зато вполне понятным оказалось другое – Надежда вдруг обнаружила, что крепко пристегнута к кушетке ремнями за запястья и щиколотки.

– Что происходит? Отпустите меня!

Страх волной захлестнул сознание. Она закричала, рванулась, и миниатюрная женщина тут же кинулась к ней. В ее пальцах мелькнула какая-то нашлапка. Инопланетянка быстро прижала ее к запястью землянки, надавила...

И теплая волна прокатилась по телу, на миг заставив задохнуться от ощущения полнейшей беспомощности. «Наркотик! Она ввела какой-то наркотик, чтобы я не буянила!» – пришла мысль. Сознание, как ни странно, не затуманилось, и страх никуда не делся. Но тело отказалось повиноваться. Нельзя было пошевелить ни рукой, ни ногой, и даже моргать получалось с трудом. Что здесь происходит? Ее вместе с другими женщинами похитили пришельцы? Для чего? На опыты или...

Господи, какие идиотские мысли лезут в голову! Это в двадцатом веке могли верить, что летающие тарелки воруют землян для каких-то странных целей, но потом всегда возвращают. И контактеры взахлеб рассказывают о том, как их изучали, брали образцы тканей и потом отпускали на свободу. Как трезвомыслящая женщина, Надежда не могла не смеяться над такими историями, тем более что они устарели до того, как она научилась читать. Но нет, видимо, в каждой шутке только доля шутки.

И все-таки, что с нею будет?

Тем временем признаки жизни стали подавать и другие девушки. И Надежда, рискнувшая снова приоткрыть глаза и прислушаться, заметила, что все ее подруги по несчастью выдавали ту же реакцию – страх, растерянность, истерику. И каждую кремовекожие пришельцы успокаивали инъекцией успокоительного наркотика.

А потом случилось то, что заставило ее забыть обо всем.

Кто-то из медсестер – а как их иначе можно назвать? – подал сигнал. Часть стены отъехала в сторону, и в просторный белый зал – палату? – вошли... люди. То, что это земляне, не вызывало сомнений. Вернее, так могли бы выглядеть потомки землян, если бы кому-то вздумалось снимать фантастический фильм. Черты лиц, одежда, рост, фигуры...

И все они были мужчинами, но мужчинами явно земного типа. От кремовекожих инопланетян их отличало все – рост, цвет кожи, телосложение, черты лиц, одежда.

– Като эмо, – давешняя медсестра указала на Надежду, – чье-нно та! Като но, като то, като-като эм, – последовало еще несколько жестов в сторону тех женщин и девушек, которые первыми пришли в себя. Этот язык, как поняла женщина, немного отличался от наречия кремовекожих пришельцев.

– Торо като, – один из людей кивнул на Надежду.

Женщина напряглась, изо всех сил стараясь подавить приступ паники, когда два высоких типа приблизились к ней. Она сообразила, что лежит перед ними совершенно голая и из-за этих ремней не в состоянии даже себя защитить. А что будет, если...

Обошлось. Ее отстегнули от ложа, позволили встать и даже поддержали под локоть, помогая удержаться на подгибающихся от слабости ногах. Успокоительный наркотик понемногу прекращал свое действие, и Надежда с каждой секундой все больше могла контролировать свое тело. Она даже почти без посторонней помощи смогла облачиться в какую-то хламиду, чем-то напоминающую больничную сорочку – доходящую до колен, с короткими рукавами и глубоким, чуть ли не до живота, вырезом впереди. Едва она оделась, на ее запястьях защелкнули наручники.

Она вскрикнула.

– Что это? Зачем? – и машинально сунула скованные руки прямо в лица окружавших ее мужчин.

Оба конвоира напряглись.

– Уэrr-ро. Та! – отрывисто бросил один. Его голос и манеры почему-то живо напомнили Надежде сцену из «Кавказской пленницы», тем более что второй незнакомец внезапно так усмехнулся, словно собирался выдать знаменитое: «Бамбарбия! Киргуду!» – и добавить с нарочитым акцентом: «Шютка!»

Скажи он это, Надежда наверняка рассердилась за странный и не смешной розыгрыш, но незнакомец повел себя странно. Его улыбка как-то увяла, стала неуверенной, словно он забыл свою роль. Потом он что-то пролепетал совсем неразборчиво и внезапно погладил женщину по предплечью.

– Т'те-я! Ро канн! – буркнул первый, отодвинул напарника и сам крепко, как клещами, взял Надежду за локоть, решительным кивком головы заставляя следовать за собой. На поясе у него висело – женщина разглядела это поздно – какое-то оружие, и все это в сочетании с незнакомой обстановкой подействовало на нее, как ушат холодной воды.

Не розыгрыш. Это никак не розыгрыш. И никто не улыбнется ей и не крикнет: «Улыбнитесь! Вас снимала скрытая камера!»

Она уже сделала шаг к выходу, когда позади раздался отчаянный пронзительный крик:

– Аа-а-а! Пустите меня! Не прикасайтесь! Да как вы...

Надежда вывернулась из рук конвоиров.

Вторая очнувшаяся девушка, на вид не старше двадцати лет, светловолосая, худощавая, отчаянно извивалась в руках державших ее мужчин, пробовала лягаться и кусаться. Руки ее уже были скованы, но это не мешало блондинке бороться изо всех сил.

– Мама! Отпустите меня! Как вы смеете? Да кто вы вообще... Помогите! – крик перешел в срывающееся рыдание. – Кто-нибудь! Здесь вообще что происходит?

Ее удерживали уже не двое, а трое мужчин и, странное дело, никто не пытался применить к бьющейся в истерике девушке силу. Мужчины просто-напросто ждали, когда она выдохнется и успокоится сама. Рядом вертелись медсестры. Одна из них, улучив минуту, ловко поднырнула под чей-то локоть и успела-таки всего на миг приклепнуть к бедру блондинки какой-то пластырь. Девушка судорожно дернулась, запрокинула голову, испустила последний вскрик и вдруг обмякла в руках конвоиров.

– Уэrr-ро, – Надежду потянули прочь, заставив переступить порог зала, и лишив ее возможности увидеть, как одна за другой приходили в себя остальные ее подруги по несчастью. Их крики, удивленные, испуганные и возмущенные, однако, какое-то время еще доносились до нее.

То, что происходило дальше, больше всего напоминало прохождение медкомиссии, как бывало раз в год на заводе. Такие же кабинеты, такие же врачи – низкорослые кремовекожие хрупкие существа – только с женщиной всюду таскались два конвоира, крепко, но бережно удерживая ее за локти. Ее ни разу не ударили, ни разу не повысили на нее голос и вообще, если бы не наручники и не полная неопределенность и неизвестность, Надежда сказала бы, что обращались с нею бережно и аккуратно. Даже кровь на анализ брали так деликатно и вежливо – если это слово применимо к этим существам – словно она была величайшей драгоценностью, с которой надо сдвигать пылинки.

Так было до последнего кабинета, где ее без лишних церемоний уложили на парящую в воздухе платформу и местный врач неопределенного пола с такой силой прижал к ее многотрадальному локтю знакомую пластинку, что Надежда вскрикнула. Что-то обожгло кожу в том месте, и разум немедленно стало заволакивать туманом. Уже соскальзывая в сон, она успела заметить, как к ней устремились несколько гибких, как змеи, проводов, на кончиках которых поблескивали металлические насадки.

«Ну, все, – мелькнула последняя мысль. – Вот и конец! Не хочу!»

Боль.

Она раскаленной иглой вгрызлась в ухо, проникая, казалось, до самого мозга.

Крик.

Надежда не сразу поняла, что кричит она сама.

Голос. Услышав его, женщина захлебнулась криком.

– Раз... раз-раз... раз-два-три... Как слышно?

Человеческий голос. Знакомые слова на родном языке. Правда, голос был лишен интонаций. Так в фантастических фильмах могли разговаривать роботы. Но все равно. Это была русская речь. Значит, она спасена? Значит, этот кошмар закончился? Даже боль в ухе внезапно куда-то ушла, и Надежда всхлипнула, готовая разрыдаться.

– Проверка связи. Прием. Прием, – продолжал голос. – Если ты меня понимаешь, открой глаза.

Понимает ли она? Еще бы! Надежда с готовностью распахнула ресницы – и чуть не взвыла от разочарования.

Та же операционная. Та же платформа. Те же два конвоира и тот же кремовекожий эскулап. Только в руке он держал что-то вроде пульта от телевизора и щелкал кнопками, явно копаясь в настройках. Потом поймал ее взгляд и что-то невнятно чирикнул.

– Проверка связи, – тем не менее, услышала женщина. – Ты меня слышишь? Если слышишь, сделай головой вот так! – он кивнул.

Как зачарованная, Надежда повторила его жест.

– Я... не...

Она осеклась – откуда-то, кажется, из ее шеи, послышались странные звуки. Женщина закашлялась.

– Тихо. Стоп. Нельзя! – врач кинулся к ней. – Тихо. Молчать. Понимаешь? Молчать! Слышать. Делать головой вот так, если поняла, – он покивал, – и вот так, если не поняла, – помотал направо-налево. – Поняла?

Она медленно кивнула.

– Транслятор, – тонкий палец ткнулся ей туда, где у мужчин находится кадык. – Переводчик, – новый тычок, уже в ухо. – Надо время, чтобы зажили швы. Это время молчать. Слушать. Запоминать. Самоликвидируется через семьдесят два дня. Это время учить язык. Поняла? Сделай головой вверх-вниз, если поняла!

Надежда послушно покивала.

– Э-э... я, – все-таки попробовала она. Прислушалась к своим ощущениям – при каждом звуке горло что-то царапало, словно у нее была острая ангина. Галактические технологии, так их и разэдак! «Время, чтобы зажили швы!» А слабо устроить так, чтобы все заживало моментально? В фантастических книгах на самую сложную операцию тратится от силы пять минут.

– Унилингва, – по-своему понял ее врач. – Общий для многих. Пятьдесят часов – и можно говорить. Поняла?

На сей раз она кивнула увереннее.

В конце концов, ее привели в просторный зал, который больше всего напоминал казарму или огромную спальню в общежитии. Помещение было разделено полупрозрачными стенками на небольшие клетушки, в каждой из которых обнаружилась узкая кровать и, за ширмой, кое-какие удобства. Никаких дверей или занавесок, даже чисто символических, не полагалось. И вообще все было скромно, строго, почти по-спартански. На гарем восточного владыки это походило меньше всего. В единственной стене обнаружилось несколько встроенных шкафчиков, открывавшихся нажатием красных кнопок. В одном Надежда обнаружила одежду – тунику до колен с длинными рукавами, обтягивающую грудь и талию, короткие такие же обтягивающие штанишки и легкую обувь на такой тонкой подошве, что на нее было боязно смотреть. Казалось, она можно протереться даже от пристального взгляда. В другом шкафчике было пусто, но когда разочарованная женщина захлопнула его, кнопка вдруг вспыхнула ярким светом, словно в лифте. Послышалось тихое гудение, а когда он смолкло, оказалось, что внутри находится стакан с молочно-мутной жидкостью и пластиковый контейнер с желтоватой массой, пахнущей ванилью. На ощупь она показалась похожей на творог, а на вкус – чем-то вроде кукурузной каши.

Пока Надежда раздумывала, что с этим делать – есть хотелось, но сама пища вызывала подозрение – ее одиночество оказалось нарушено. Молчаливые конвоиры ввели одну за другой еще несколько девушек. Многие были подавлены и, едва им указали на их койки, упали на них, как подкошенные. Послышались тихие всхлипывания.

Соседкой Надежды оказалась высокая стройная девушка с коротко, до лопаток, подстриженными рыжими волосами. Усевшись на койку, она огляделась по сторонам, затем начала осматривать свой закуток и довольно быстро разобралась с обоими ящичками.

– Ух, ты! – не чинясь, полезла пальцами в контейнер, зачерпнула массу и тщательно ее слизала. – А тут можно жи... кхе-кхе... больно, – она схватилась за горло. – Что они нам посадили?

– Транслятор, – Надежда говорила тихо и осторожно, прислушиваясь к своим ощущениям. – Чтобы мы учили их язык.

– Глупости какие! Почему нельзя телепатией внушить нам знание языка, раз мы тут? Надежда пожала плечами.

Снова распахнулась дверь.

– Сволочи! – срывающийся голос заставил всех вздрогнуть. – Козлы! Скоты! Уроды! Я вам покажу! Я вас всех...

Блондинка с плоской, почти мальчишеской грудью, попыталась наброситься на своих конвоиров с кулаками, но те ее просто впихнули внутрь.

– Ненавижу! – блондинка заколотила кулаками в двери. – Отпустите меня!

– Не ори, – посоветовала Надежда. – Голос сорвешь.

– Да чтоб вы все провалились! Да я вас всех! Да будьте выи-и-и-и...

Голос ее поднялся до визга и внезапно сорвался. Девушка рухнула на колени, хватаясь за горло. На губах ее показалась кровь. Она задергалась, давась чем-то, что попало ей в горло, отчаянно кашляя, и завывая от ужаса.

Надежда вскочила, рыжая девушка – тоже. Вдвоем они бросились к блондинке, пытались поднять ее на ноги и успокоить, но та синела, давась кровью и еще чем-то. «Транслятор, – поняла Надежда. – Он отскочил и теперь...»

Додумать эту мысль она не успела. Двери опять распахнулись, двое мужчин проворно подхватили блондинку и куда-то уволокли. Добровольных спасительниц при этом отстранили, захлопнув двери у них перед носом.

Девушка вернулась через некоторое время, с горлом, залепленным чем-то белым, отрешенно глядя в никуда вытаращенными глазами. Деревянно переставляя ноги, прошла к свободной койке, рухнула на нее, как кукла и осталась лежать, глядя в потолок остановившимся взглядом.

Но Надежда даже не смотрела в ее сторону – все внимание женщины было приковано к одному из ее конвоиров. Высокий, плечистый, не гибкий, как юноша, но и не массивный, как карикатура на богатыря, а как раз такой... Идеал мужчины, в общем. Незнакомый комбинезон из ткани странной фактуры – на ум пришло сравнение с брезентом и латексом одновременно – только усиливал контраст, выделяя его из толпы. Не помня себя, Надежда вскочила и метнулась к нему:

– Аскольд?

Знакомый незнакомец – тот самый, она не могла ошибиться! – чуть не споткнулся на пороге. Обернулся через плечо, скользнув по узнавшей его женщине взглядом – и вздрогнул, когда рядом раздался еще один голос:

– Аскольд? Но это... Аристарх!

Крепко сбитая шатенка медленно поднялась со своей койки, сделала шаг. Обернулась на чей-то смех. Это хихикала миниатюрная брюнетка с такими длинными волосами, что Надежда почувствовала зависть. Они окутывали ее фигурку, как пышное черное облако.

– Похоже, – отсмеявшись, промолвила она, – у этого типа много имен. Я знала его под именем Александра!

– А как, – Надежда обернулась к мужчине, – тебя зовут на самом деле?

В горле что-то болело и неприятно царапало при каждом слове, и говорить она старалась потише, так что боялась, что ее шепот не разберут, но мужчина ее понял.

– Асер, – коротко ответил тот. – Но это не играет роли.

– Почему? Если ты...

– Потому, что это не важно.

Его окликнули из коридора – явно не на унилинге, поскольку транслятор не справился с переводом, – и Аскольд-Аристарх-Александр-Асер буквально вылетел за порог. Дверь захлопнулась. Мигнула лампочка сигнализации.

В зале повисла тишина.

– Вот, девочки, мы и попали, – сказал кто-то. – И что теперь с нами будет?

– А то вы не знаете, – горько вздохнула девушка, которая опознала в Аскольде Аристарха. – Нас продадут.

– Как? Когда? Почему? – слышались со всех сторон голоса. Девушки придвинулись ближе. Некоторые выбрались из своих закутков. – Откуда ты знаешь?

– Подслушала. Кто-то из них буркнул – мол, хорошая партия. Качественный товар, можно неплохой куш сорвать.

– Продать, – повторила рыжая. – Как рабынь, да? Но ведь рабства не существует...

– На Земле. А мы, если ты не заметила, тут. Неизвестно, где! И здесь может быть, что угодно.

– Мы – рабыни? – брюнетка содрогнулась, крепко обхватив себя руками за плечи. – Еще чего не хватало! Чтобы я – и стала рабыней? Чтобы меня – и продали? Какому-то старому развратному старикашке? Да я его... Да он у меня...

– Зачем обязательно старому? – с непонятной интонацией протянула рыжеволосая соседка Надежды. – Может быть, он будет молодой. Высокий, красивый... благородный... вы разве не заметили, как тут с нами обращались? Осторожно! Значит, мы представляем определенную ценность... Значит, мы можем диктовать свои условия! Мы же женщины! А женщины испокон веков правили миром... и мужчинами. В конце концов, Роксолана тоже сначала была рабыней. А потом стала повелительницей целого мира!

– Мечтаешь о том же? – усмехнулась брюнетка.

– А что? Мечтать не вредно! Вредно не мечтать!

Она выпрямилась, расправив плечи, и сверху вниз посмотрела на своих товарок по несчастью. Несмотря на худощавое телосложение, рыжая выглядела эффектно. «Такую фигуру только на подиум», – отстраненно подумала Надежда. Сама она не считала себя уродиной, сколько помнила, лишь в подростковом возрасте ее пугала собственная внешность – особенно когда лоб, нос и подбородок были усеяны прыщами. Но потом они сошли, и преобразившаяся фигура яснее ясного дала понять – ее обладательница красива. Но эта рыжая... Да и все они тут, если посмотреть, были красавицами. Ни одной сколько-нибудь серенькой мышки. Да, у кого-то из местных похитителей отменный вкус.

«У Аскольда или Асера, как его зовут на самом деле, – подсказала память. – Судя по всему, он всех нас так... обрабатывал!»

– А вот я ни за что не покорюсь какому-то инопланетянину, – воинственно заявила брюнетка. – Пусть даже не мечтает! Пусть только попробует – сразу узнает, где раки зимуют! Я ему покажу. Я им всем покажу, как меня похищать! Я – свободный человек. У меня есть достоинство... есть чувства, в конце концов! Я...

Голос ее сорвался. Девушка схватилась за горло, в темно-карих глазах ее мелькнул страх. То, что случилось с блондинкой, еще было свежо в памяти остальных. Тем более что вот она, лежала рядом, не вступая в разговор, вытянувшись во весь рост и даже, кажется, не моргая.

Понемногу разговор увял. Пленницы переглядывались, перебрасываясь короткими словами. Разговаривать никому не хотелось. На все лады повторялся один и тот же вопрос: «Что с нами будет?» Надежда помалкивала.

– Как тебя зовут? – окликнула ее рыжая соседка. – Меня – Ярославна, – вскинула она голову. – Что? Красивое русское имя. Старинное. «Плач Ярославны» знаешь? Вот меня в честь той княгини и назвали... Что улыбаешься?

– «Ярославна» не имя. Это отчество, – сказала Надежда. – Твои родители что-то напутали.

– Много ты понимаешь, – фыркнула девушка со странным именем. Отвернулась с гордым видом, но тут же решила сменить гнев на милость: – А тебя как зовут?

– Надежда.

- Тебя нам и не хватало, – понимающе усмехнулась она.
- Ты откуда?
- Из Москвы.
- Это понятно. А поточнее?
- Химки. Это теперь имеет какое-нибудь значение?

Надежда отвернулась. Разговаривать не хотелось. Ею овладела тревога и страх. А еще – обреченность. Она одна, в незнакомом мире, вместе с такими же, как она, похищенными для неизвестных целей землянками. Сейчас не важно, кто из них откуда привезен. Прошлое прошло. А впереди...

- У тебя дома кто-нибудь остался?

Она помотала головой, внезапно с острой болью подумав, что никому, в сущности, не было до нее никакого дела. Родственники далеко и за полгода после смерти мамы практически не напоминали о своем существовании – почти не звонили, очень редко приглашали в гости на семейные торжества, сами не навещали. Бывший муж после тесного общения с участковым тоже прекратил посещения, родня с мужниной стороны тем более. Соседи? Но Надежда сама так боялась общения с ними – еще, чего доброго, приревнуют одинокую женщину, уверенные в том, что она спит и видит заполучить чужого мужа в свою постель! – что ограничивалась дежурными приветствиями на лестничной площадке. Разве что на работе... Но сколько прошло времени? Ее отсутствие на заводе наверняка заметили. Попытались связаться, выяснили, что она исчезла и... Махнули рукой? Выругались, дескать, сбежала, даже не предупредив об этом, и уволили задним числом? Или как там положено поступать? У них в бригаде был случай, когда мужчина на выходных, поехав на рыбалку за город, перебрал, полез купаться пьяным и утонул. На завод пришла бумага, его уволили. Задним числом, чтобы не портил статистику. Наверное, так же поступят и с нею? Но по какой статье? Она ведь жива. Только...

Только никто не знает, где она и что с нею. И никому до нее нет никакого дела.

Слезы сами навернулись на глаза, и Надежда отвернулась ото всех. Хотелось уснуть, а проснуться у себя дома с похмелья и с облегчением узнать, что все это сон. Когда-то она пробовала читать любовные романы, где героиню похищают. Обычно страдания девушки сами собой прекращались в тот миг, когда она впервые видела похитителя. Тот, как всегда в романах, был высок, строен, мужественен и старался доказать свою любовь, приручив дикарку. Пленница начинала ему доверять, привыкала и потом, постепенно, страниц через сто, ощущала зарождение ответного чувства. Прямо не романы, а пособие «Что делать, если вас похитили и пытаются соблазнить». Рыжая Ярославна явно собиралась претворить вычитанные знания в жизнь! Но она-то не Ярославна! Она – другая.

С одной из коек доносился сдавленный плач. Золотисто-русая девушка рыдала в подушку, сжавшись в комочек. Соседки старательно отводили взгляд, кусая губы и явно пытаясь не замечать происходящего. Надежда тихо поднялась, подошла, присев на край койки. Погладила девушку по плечу.

– Мама, – срывающимся шепотом причитала та. – Я к маме хочу. Моя мама... она будет волноваться. Она меня ждет, переживает, а я... туу-у-ут... мамочка... мамочка моя...

Прикосновения Надежды только усилили потоки слез. Не прошло и минуты, как золотистоволосая девушка плакала навзрыд, обнимая утешительницу за шею. На вид ей было не больше семнадцати лет. Наверное, только-только школу закончила. Поступила в институт, возвращалась домой с занятий и... Господи, как это чудовищно! Ладно – она, по большому счету, о ней некому переживать. Но этой девочке-то за что такие страдания?

Не без труда Надежде удалось как-то отцепить от себя судорожно цеплявшиеся за ее шею руки. Обессиленная от слез, вся погруженная в свое отчаяние, девушка скорчилась на койке, закрыв лицо руками. Надежда тихо встала. Ноги сами понесли ее к двери, в то время как понемногу все взгляды буквально прилипли к ее спине.

Остановившись на пороге, Надежда окинула дверь взглядом. Ни ручки, ни щели замка, ни смотрового окошечка. Просто прямоугольник с глазками камер наблюдения над верхним косяком. Как в тюрьме – внутренних запоров тут нет. Помедлив – если камеры есть, они должны ее уже заметить – женщина подняла руку и тихо постучала.

Тишина. Неужели похитителям все равно?

Но только она решила повторить попытку, как дверь все-таки бесшумно отъехала в сторону. На пороге стояли двое. По виду – земляне, разве что волосы и кожа странного красно-лилового оттенка.

– Чего надо?

Механический голос переводчика сработал с опозданием, полностью убрав интонации. Надежда отступила на шаг.

– Послушайте. Я все понимаю... то есть, не знаю... это ваши обычаи, они в этом мире... здесь и сейчас так, наверное, и надо поступать, но... ведь вы же тоже люди... или... ну... у вас должны же быть какие-то чувства! – говорить было больно, каждое слово царапало горло, и женщина волновалась, пытаясь подобрать нужные слова. – Девочке больно. Девочка плачет, – она указала на койку, где золотоволосая девушка уже не плакала, а просто стонала и вздыхала в тоске. – Ей надо домой. К маме. У нее семья, понимаете? Она не может быть... как мы... как все. Послушайте, может быть, можно что-нибудь сделать? Для нее?

Она осеклась. Мужчины – работоторговцы? – смотрели сверху вниз.

– Что?

– Я не знаю. Но что-то же можно сделать! Отправьте ее домой. Она тут не выживет. Пожалуйста...

Не дослушав, мужчины развернулись и вышли.

Ненадолго. Через четверть часа спустя они вернулись вместе с каким-то кремовокожим карликом. Все еще всхлипывающую девушку подхватили под руки и куда-то увели.

Больше здесь ее никто не видел.

Пшемыньски смотрел на Шохха. За минувшие несколько дней змеелюда словно подменили. Его бледная отудловатая кожа словно подсохла и плотнее охватывала череп. Она стала чуть темнее, и на ней проступали извилистые линии узора – по этим «картинкам» змеелюды и отличали друг друга, поскольку узоры на коже черепа могли рассказать об их носителе больше, чем паспортная карточка. Перестали слезиться глазницы. Губы натянулись, открывая мелкие зубки. Будь Шохх человеком, Пшемыньски сказал бы, что тот сделал подтяжку. Но в данном случае эти перемена обозначала одно – воротиле теневого бизнеса каким-то чудом удалось приостановить неминуемую линьку и связанный с этим процесс закукливания. Вот что значит, сила денег! Она заставляет отступать даже необратимые физиологические процессы.

– Работа идет полным ходом, – сказал он. – Практически вся партия уже готова. Мы заканчиваем обработку и исследования. Негоже предлагать покупателям непроверенный товар. Все должно быть идеально.

– И все будет идеально, – кивнул человек. – Я всегда имею дело только с качественным товаром.

– Это заметно, – Шохх пошевелил гибкими руками-щупальцами. – С тобой работать одно удовольствие...

– Ага. А не работать – другое!

– Ты прав, человек, прав, – Шохх забулькал, что должно было означать смех. – Ради тебя я вынужден был приостановить линьку, а это чревато различными осложнениями в будущем. Но что не сделаешь ради старинного друга! Даже рискнешь здоровьем... Вы, люди, счастливые. У вас не бывает линек...

– Мы вообще самая удачливая раса в Галактике, – усмехнулся Пшемыньски, но тут же посерьезнел: – Ближе к делу, Шохх. Когда назначен аукцион?

Змеелюд нервно зашевелил ручками-щупальцами.

– С-скорее всего, – он стал пришепetyвать, что выдавало его волнение, – он с-состоится в вос-семнадцатый день Молодой Луны.

На каждой планете был свой календарь и свое исчисление времени. Николу Пшемыньски понадобилось около минуты, чтобы высчитать точную дату.

– Слишком долго ждать! – резюмировал он. – Я потерял одного «Шершня» возле Старой Земли. Если Интаргалакпол его перехватил, они могут выйти на меня. Да, космос меня побери, они ведь могут уже идти по моему следу! Нам надо торопиться и сбыть товар с рук до того, как нам эти самые руки отрубят! Десятый день – крайний срок.

– Неприемлемо, – процедил змеелюд. – Мы уже разос-слали приглашения. Некоторые важные клиенты еще не отпис-сались... Мы ждем ответа со дня на день. Перенос-сить дату аукциона – дурной тон. Можно потерять клиентов!

– Глупости! – если бы не разделявшее их расстояние – «Краковяк» по-прежнему болтался на орбите, а Шохх сидел на планете – человек не отказал бы себе в удовольствии немного придушить проклятого червяка. – Десятого числа – и дудки! Это мое последнее слово! Или я одиннадцатого забираю товар. Там, внизу, мои парни. Мне достаточно только свистнуть, и вся партия будет у меня! А, поскольку они уже обработаны, я могу их продать в любой момент и по любой цене! Минуя посредников!

Шохх зашипел так, что раздувшийся горловой мешок почти скрыл его морду от собеседника. Какое-то время с экрана неслошь только шипение и невнятное бульканье.

– Ш-шантаж! Не имееш-шь права...

– Груз мой! Я сказал! – Пшемыньски грохнул кулаком по пульта.

– Но как же клиенты! – воздел все свои ручки вверх змеелюд. – Я рассчитывал на них! Кому мы теперь продадим твоих землянок?

– Да кому угодно. Хоть выставим в открытую распродажу. Оформим как бракованную партию перепрошитых киборгов, чтобы налоговики не слишком цеплялись. С руками оторвут. Даже с твоими культяпками! Это я гарантирую.

Шохх хрипел, шипел, плевался и булькал горловым мешком, призывая на человека кары всех темных сил Галактики оптом и в розницу, мешая Интергалакпол с демонами Ада. Но Никол Пшемыньски оставался глух и слеп к его угрозам и пантомиме. Он уже знал, что, пошумев и выпустив пары, змеелюд поступит так, как хочется ему.

– А, вот и новобранец! – приветствовали его.

Гурий сделал шаг вперед, расправляя плечи. Надо было как-то отреагировать, но юноша все еще пребывал в шоке.

Он сам не ожидал, что его бредовая мечта может стать реальностью. Дядя пошумел, постучал кулаком по столу, погрозил, но все-таки подписал его сгоряча поданный рапорт. Мать устраивала скандалы и истерики, отец наотрез отказался общаться «с этим ненормальным», сослуживцы только что пальцем у виска не крутили – мол, зачем тебе это надо? Все равно ничего не получится.

Получилось. Получилось, несмотря ни на что. Правда, для этого пришлось сменить гражданство и получить новый паспорт, где в графе «место рождения» стояло «Планета Марс». Ибо урожденные земляне считались невыездными. Им дозволялось покидать Солнечную систему лишь в качестве туристов, при этом ни один круизный лайнер землян никогда не приземлялся на других планетах. В лучшем случае, делались «технические» остановки где-нибудь в необжитых мирах, туристам разрешалось походить по поверхности неосвоенной планеты в скафандрах, сделать пару снимков экзотических пейзажей – и отправляться восвояси.

Гурию повезло. По документам он перестал быть уроженцем планеты Земля и мог открыть для себя глубокий космос.

– Так точно, – отрапортовал он, отмирая. – Прибыл для прохождения практики.

– Давайте ваши документы!

Пластиковый файл скользнул в щель считывающего устройства.

– Ого, Марс! – сразу заметил его новый начальник ярко-красный штамп. – Далековато забрались, стажер! И как там, на Марсе?

– Нормально, – пожал плечами Гурий. – Живет...

На самом деле на Марсе он за всю свою жизнь провел едва ли трое суток, из них два – в школе, когда их всем классом возили на экскурсию в пустыни Красной Планеты, и еще один, последний день провел там, когда получал новый паспорт и заказывал место на пассажирском транспортнике, уходящем в глубокий космос.

– И что вы у нас забыли, стажер... Хват-оф? – начальник, с заметным малиново-лиловым загаром, который можно приобрести только в космосе, даже прищурился, считывая его фамилию.

– Так точно. Хватов. Хват.

– Хват, – повторил начальник. – Что ж. Хват – так Хват. Так почему именно к нам? На Марсе дела не нашлось?

– Никак нет, – что-то, а ответ на этот вопрос у Гурия был готов давным-давно. – Я как раз и подал рапорт о переводе потому, что мечтаю о настоящем деле. Всю жизнь хотел служить в галактической полиции... бороться с пиратством и... контрабандистами.

– Бороться, значит, – начальник вышел из-за стола-пульта, и стало заметно, что одна нога у него заменена весьма некачественным протезом. Это было странно – то ли не хватило денег вырастить новую биопластовую конечность, то ли кое-как задрапированная штаниной металлическая конструкция была напоминанием о чем-то сугубо личном. К тому же она слегка поскрипывала при ходьбе. – Гоняться за преступниками, значит? Романтика дальних странствий? Ох, молодость, молодость... Когда-то я и сам был таким... пока – вот... – он похлопал по конструкции. – Это как напоминание о том, что реальность далека от мечты. Прежним, стажер, ты уже не будешь никогда. Можно себя обманывать, но вот нужно ли?

Гурий стоял навтыжку, не зная, как реагировать на это внезапное откровение. Начальник тем временем обошел его кругом, осматривая и разве что не похлопав по плечам и спине, как породистого коня, после чего прохромал к столу и занялся оформлением документации – скопировал данные стажера Хвата в память системы, заполнил анкету, распечатал новое удостоверение и, пока машина оформляла остальное, нажал кнопку селекторной связи:

– Капитана Крокуса ко мне... если свободен... А ты, стажер, расслабься. Люди нам нужны. Вроде везде автоматика, а поди же ты... есть такие места, где ни один киборг, ни одна машина человека не заменит! Ну, – он извлек из щели новенькое, еще липкое от краски, удостоверение, протянул юноше, – добро пожаловать на работу. Ваши новые обязанности вам объяснит капитан Крокус, ваш непосредственный начальник.

С этими словами юноша был вытолкнут в коридор, по которому не далее как несколько минут назад прошел, чеканя шаг. М-да, не так представлял он себе прием на работу! Хотя, прежде он судил только по книгам и поведению дядюшки-таможенника. А тут – глубокий космос, настоящее дело...

В противоположном конце коридора отъехала в сторону дверная панель, и из лифта шагнул высоченный тип, едва не достававший макушкой до потолка. Громко топая, так, что сотрясались светильники, он устремился к замершему от неожиданности Гурию.

– Хо! Это ты тот новичок, которого мне старик подбросил? – прогремел раскатистый бас. Юноша невольно поморщился, но изо всех сил постарался держаться молодцом.

– Так точно, капитан...

– Крокус, – его ладонь вместе с новым удостоверением буквально утонула в широкой лапше полицейского. – Капитан Крокус. Для тебя просто – «капитан». А ты...

– Лейтенант Хватов. Гурий Хват...

– Можно просто «хват»? – его слегка пихнули локтем в бок. Удар вышел мягким, но таким сильным, что, не придерживая его капитан за руку, юноша отлетел бы к противоположной стене.

– Так...э-э...

– Да брось этот официоз, хват, – почему-то юноше показалось, что его фамилию произнесли именно с маленькой буквы. – Не на плацу. А в глубоком космосе вообще порой не до субординации. Когда третью внутреннюю неделю болтаешься в глубоком внесемье, как то самое в этом самом, а вокруг – ничегошеньки... Ладно, стажер, сходишь с нами в патруль, попробуешь глубокого космоса, сам поймешь. Пошли.

– Куда?

– Как – «куда»? Знакомиться с кораблем. Мы как раз в рейд должны выйти.

– В рейд? – услышав магическое слово, Гурий встрепенулся и без сопротивления позволил увлечь себя в лифт.

– Ага. В сектор 24-А/8 Лямбды Таракана, будь он неладен, – и капитан выдал парочку слов, которые стеснялся произносить даже его дядюшка.

– Э-э... там много пиратов и контрабандистов? – рискнул предположить он.

– Хуже, – его впихнули в коробку лифта. – Там ничего нет. Весь этот хрен Таракан – одна сплошная дыра, так ее и разедак. Шесть звезд, – капитан Крокус растопырил пальцы свободной руки. – И на всю шестерку только десять планет. Из них четыре – голые камни и только на трех что-то шевелится. Ну, еще на трех колонии, но это не наши, это ксеносы, к ним без крайней нужды лучше не соваться. Только если с техникой проблемы, а до ближайшей станции не дотянем. Да и то на двух без скафандра полной защиты делать нечего. Метан и кислотные дожди, – капитан сплюнул, чудом не попав на ботинок Гурия.

Лифт стремительно ринулся вниз, и с такой же скоростью, если не быстрее, упало настроение юноши.

– Но тогда зачем мы туда летим, если там все настолько...э-э... – залепетал он.

– Бесперспективно, хочешь сказать? А потому, что мы же *Интер*-галакпол. Там в паре парсеков от Лямбды три межгалактические трассы проходят. И ксеносы летают. А вдруг у них проблемы? Вдруг чего случится? А тут – мы.

– Сидим и ждем, как бы чего не случилось?

– Вижу, ты схватываешь на лету. Сработаемся!

Его опять хлопнули по плечу, и на сей раз он ударился о стенку лифта. Тот остановился как раз в эту секунду, так что силой инерции Гурия швырнуло прямо на капитана. Тот успел отстраниться, и юноша едва удержался на ногах, вываливаясь из кабины и озираясь по сторонам.

Это был вовсе не первый этаж местного отделения Интергалакпола, куда он явился час тому назад по направлению. Судя по всему, лифт затормозил в подвальном помещении – голые стены, лишённые окон, ряды светильников под потолком, несколько разноцветных стрелок на полу и десятка полтора дверей в трех расходящихся по все стороны коридорах. И – ни души, хотя откуда-то доносились звуки музыки и, время от времени, какие-то бухающие удары и щелчки.

– Стоять, стажер! И топай. Нам еще тебя на довольствие ставить, комбез выписать, оружие там, то-се, а времени в обрез! Сегодня ночевать уже будешь на новом месте!

Юноша кивнул и трусцой поспешил за широко шагавшим капитаном.

– Но погодите, – вспомнилось ему, – а как же наша главная обязанность? Ловить пиратов и...

Капитан затормозил так резко, что Гурий чуть не расквасил нос о его нагрудные нашивки.

– Пиратов ловить? – сверху вниз глянул он. – Преступников космических? Будут тебе пираты, стажер. Обязательно будут. Потом. Если доживешь!

И что-то подсказало Гурию, что уточнять, что новое начальство имеет в виду, сейчас не стоит.

Глава 3.

Рой сам не ожидал, что это однажды случится. Но – случилось.

Когда его вызвали в форт и вручили повестку, он сперва не понял, что это и с минуту просто вертел в руках пластиковый квадратик, пока не догадался прочесть выбитые на нем знаки. Потом еще целую минуту тупо смотрел на них, ожидая, что они вот-вот исчезнут, как исчезает роса под солнцем. Но пластик оставался пластиком, и знаки на нем никуда не делись.

– Чего смотришь? – командир форта устало вздохнул. – Читать разучился?

– Нет, гражданин начальник, не разучился. Просто... это правда?

– А то! Радуйся!

Рой кивнул. Надо было как-то отреагировать на подарок судьбы, и он выдал:

– Спасибо.

– Всей вашей бригаде объявлена благодарность за ударный труд, – командир форта решил, что этот мужик нарочно только притворяется грамотным. Чтобы его позлить! Вон повестку как-то боком держит... – В следующий выходной всем вам предписано прибыть сюда для чествования и вручения...э-э... награды.

– Ага, – кивнул Рой. – В выходной.

– Как всегда, к полудню. Не опаздывать.

– Ага, – повторил Рой.

Командир презрительно поморщился. С кем только приходится иметь дело! Необразованное мужичье! Впрочем, что с них взять. Большинство населения окрестных поселков – каторжники, подонки общества, представители так называемого «социального дна», которых правительство поставляет на планету для ее освоения. И пусть у некоторых за плечами не только колледж, но и высшее образование, это не мешает им быть и оставаться всего-навсего каторжниками. Даже после того, как, согласно контракту, им выходит амнистия. Закон империи суров – пять лет отработаешь на освоении дикой планеты и можешь быть свободен. Делай, что хочешь, лети, куда хочешь и живи, как хочешь... при условии, если тебе дадут такую возможность – улететь с этой планеты.

– Иди!

– Ага, – на сей раз в единственном слове мелькнула какая-то интонация, и командир сдержал раздражение и поскорее отвернулся, всем своим видом показывая, что слишком занят, чтобы и дальше продолжать беседу.

Командир пограничного форта – должность в самом деле ответственная, поскольку граница тут практически везде. Всего четверть века назад планету Гудзон нанесли на звездные карты. По обычаю, имя ей дали открывшие ее звездопроходцы, сообразуясь с какими-то своими ассоциациями, и таковой ей и придется оставаться до окончания века. Или же, если внезапно не отыщется где-нибудь в джунглях местная цивилизация – тогда планету волей-неволей придется переименовывать в соответствии с наречием аборигенов. Но пока аборигены не найдены – оставаться ей Гудзоном с чьей-то легкой руки. А что такого? Нормальное название, ничем не хуже, например, Кофемолки-13, где прошло детство самого командира форта, майора Гравера.

Люди осваивали планету уже больше двадцати лет, строя форты по берегам рек и основывая поселения, по традиции располагавшиеся на расстоянии не более одного дня пути от укрепленных стен форта. Город – он же Столица – тут пока один, основанный на месте приземления первого корабля. Только тут и была высокая цивилизация – средства дальней связи, техника, современное оружие, силовые поля и энергетические установки. Излишки сбывались в форты, пафосно именовавшиеся форпостами цивилизации. Вокруг каждого форта веером

располагались небольшие поселения численностью от десяти до полутора дюжин человек в каждом. Раз в месяц обитатели поселений собирались в форт для обмена товарами и новостями. Два раза в год форты устраивали большие ярмарки, каждый раз выбирая по жребию, какой из них будет «принимать гостей» – выборные делегации от соседей. Цель была та же самая – обмен товарами и новостями. Новостями считались любые «мелочи жизни» – от драки в кабачке до обнаружения нового вида животных. Всю же прочую информацию о внешнем мире – где было основано новое поселение, где разрушено старое и по какой причине, прилетали корабли из внешнего мира и не случалось ли где-нибудь необъяснимых явлений – разносили бродячие торговцы, ездящие от форта к форту независимо от ярмарок. Они единственные торговали «экспортным товаром» – то есть тем, что закупали либо в самой Столице, либо привозили небольшими партиями с других планет. На Гудзоне с руками отрывали абсолютно все – приправы, видео, женские украшения, детали бытовой техники, сувениры, лекарства, оружие и так далее.

В конце этого месяца именно в их форте должна была состояться очередная ярмарка, на которой главной новостью будет вручение награды бригаде Роя.

Рой жил на этой планете восьмой год. Первые пять лет были самыми трудными – тогда он и его люди, которые тогда еще не были его людьми в прямом смысле слова, работали и жили тут на поселении. Гудзон нуждался не просто в рабочих руках – он нуждался в неприспособленных переселенцах, готовых довольствоваться таким минимумом удобств и условий жизни, которые вогнали бы в ступор и панику любого цивилизованного человека. Переселенцах, которые не требовали инфранета, парков развлечений, суши-баров и салонов красоты, не говоря уже о круглосуточных супермаркетах и стоканальном телевидении. Переселенцах, которые могли месяцами существовать на сухом пайке и готовы были в случае перебоев с питанием не устраивать забастовки и не впадать в панику, а идти добывать пропитание из окружающего мира. Переселенцах, которым наплевать, когда последний раз стиралось постельное белье и для которых ближайший сортир находится под ближайшим кустом.

Короче, Гудзон нуждался в каторжниках. В тех, кто оступись, совершил преступление и теперь трудом и лишениями должен искупить свою вину перед обществом.

Пять лет они работали, возводя форты, корчуя лес и обрабатывая землю. Пять лет воевали с природой, добывая с планеты редкие породы древесины, уникальных животных, а также перловицы – странные полупрозрачные икринки, которые иногда находили в желудках местных рыб-вертячек. Врач, наблюдавший за жизнью каторжников и первым догадавшийся, что перловицы как-то странно влияют на организм, обнародовал свои наблюдения – и улетел с Гудзона миллиардером, а перловицы теперь были одной из статей дохода колонистов, наряду с ценной древесиной беломров, а также кореньями и деликатесными грибами.

Пять лет Рой работал на империю, отрабатывая свой «долг», а три года назад ему и остальной партии – тем, кто остался в живых – объявили, что они свободны и могут отправляться, куда захотят. Большинство решили остаться – хотя бы потому, что если сюда их доставили бесплатно, то обратно им пришлось приобретать билеты на свои деньги. На деньги, которых у каторжников не было. Да и попробуй достань билет на пассажирский лайнер, если он прибывает в столицу всего раз в месяц и привозит либо оборудование, либо новую партию «добровольных переселенцев». В лучшем случае тебя возьмут исключительно для того, чтобы перебросить на соседнюю неосвоенную планету – дескать, лучший отдых это смена видов деятельности.

Нет, кому-то удалось уйти. Кто-то переселился в форт, кто-то сумел добраться до столичного космопорта, кто-то даже покинул планету. Большинство из бригады Роя порешили остаться. И как-то само собой получилось, что Рой и стал у них вожаком. Их бригада корчевала лес, добывая драгоценную кору беломра, выискивала каукос – кустарник, в котором цен-

ность представляло все, от мясистых корней до причудливо изогнутых ветвей и листьев всех оттенков пурпура. Из корней добывали сырье для парфюмерии, сучья шли на изготовление мебели и мелких поделок-сувениров. Опилки хорошо горели и отгоняли вредителей, а листья употребляли в пищу – свежие шли в салаты и на похлебку, а высушенные – как приправа. Копали змей-корень, лопатник, заготавливали мешками опадающую листву лиссорина... всего не перечислишь. Даже те самые пресловутые перловицы иногда вылавливали. На расчищенных участках высаживали либо хлеб, либо местные ягодные кустарники, которые оказались вполне съедобны, а некоторые ягоды могли заменить овощи. Где-то по старинке трудились вручную, где-то применяли технику – чаще всего для того, чтобы отвезти заготовленное сырье и урожай в форт. Бригада Роя в этом месяце каждую неделю отправляла в форт три полных корой беломра платформы, а перед самой ярмаркой даже сделала две дополнительные ходки – итого шесть платформ за пять дней!

На ярмарку они тоже приехали не с пустыми руками – привезли две дюжины мешков с листвой лиссорина, а еще привезли десяток шкурочек местных зверей, выделанных с головами и лапами, не считая всякой мелочи типа ранних ягод и хлоп-грибов и несколько горстей перловиц. Таких зверей – угольно-черных с полосой желтого меха по хребту и полосками на лапах – в форте еще не видели. К платформам Роя то и дело подходили любопытные, щупали мех, заглядывали зверям в морды, расспрашивали о повадках куссов – так охотники называли странных зверей. За них давали запчасти для машины, ткани, зерно и зарядники для лазерных винтовок, но почти все шкурки пришлось подарить, поскольку блестящий гладкий мех приглянулся начальству.

А потом наступила сама церемония награждения.

– Высоко ценя качество и количество выполняемой работы, – командир говорил больше для гостей из соседних фортов, случившихся тут проездом, – правительство решило отметить работу бригады поселка 16-А тем, что закупает у нее по розничной цене не только весь урожай нынешнего года, но и также урожай года будущего, в доказательство чего вручается этот кредитный билет. Обменять его на деньги можно на любой планете в течение месяца, начиная с сегодняшней даты. Поздравляю!

Он протянул Рою пластиковый прямоугольник, на котором были выдавлены несколько защитных символов и пятнадцатизначный код. Рой, который последний раз держал в руках нечто подобное еще до суда, озадаченно повертел его в пальцах:

– Это чего?

– Награда, – прошипел командир форта. – Деньги, болван.

– Но это... кредитка!

– И что? – тупость этого мужика снова начала раздражать. Командир форта читал личные дела каждого – ну, или почти каждого поселенца и всякий раз, сталкиваясь с некоторыми, давался диву – ну как такие тупые идиоты могли совершить все те преступления, в которых их обвиняли! Для этого надо соображать немного лучше, чем стадо баранов!

– Ее надо обналичить!

– Да! И вам предоставляется право это сделать.

– Но... не здесь?

– Разумеется! Придется отправиться в банк.

– Но это же... на другой планете!

– И что тут такого? Кто-нибудь возьмет отпуск, слетает, обналичит чек...

– Кто-нибудь?

Майор Гравер попытался сосчитать до десяти, чтобы успокоиться, но сбился на счете «три».

– Кто-нибудь один, – прошипел он. – Или ты думаешь, что я позволю сорваться с места всей бригаде? Вот-вот поспеет змей-корень. Да и сезон листопада у лиссорина в самом раз-

гаре. А беломры? Не забывай, вы уже *продали* будущий урожай. Хотите прикарманить денежки даром? Нет уж! Не выйдет!.. Короче, вот вам новость. В столицу завтра прибывает челнок с транскосмического фрегата «Светлый Путь». Выбирайте одного из бригады и пусть слетает за вашими деньгами. Свободен!

Рой попятился.

Бригада – девять человек – слышали и разобрали лишь едва одно слово из пяти, но суть дела они уловили, и, еще не договорив главную новость до конца, Рой по их напряженным лицам понял ответ.

– Мне?

– Тебе, бригадир, – Таммо, бывший автомеханик и самый старший из бригады, кивнул головой. – Ты вкалывал наравне со всеми, и мы точно знаем, что ты не сбежишь с нашими денежками, привезешь все до последней крохи...

– Разве что укупишь чего-нибудь там, – добавил Якоб, бывший скупщик краденого.

– Чего, например?

– Да все равно. Хотя это... ну... шмотье какое-никакое...поновее...

Рой кивнул:

– Сделаю.

Бригада оживилась, придвинувшись ближе.

– Аккумуляторов побольше. Разных...

– Универклея. Чтобы ко всему подходил. Сам знаешь, какие у нас щели в кладовой...

– Пищевых концентратов. Надоела эта натуральная пища, – посыпались со всех сторон заказы. Рой только вертел головой во все стороны, успевая кивать каждому.

– Бабу бы, – мечтательно вздохнул Сандор, самый молодой в бригаде, попавшийся на убийстве наркокурьера.

Все замолчали, переглядываясь. Так уж получилось, что Сандор невольно высказал не только свои сокровенные мечтания, но и чаяния многих и многих поселенцев Гудзона.

Среди поселенцев было очень мало женщин. И не только потому, что примерно две трети обитателей Гудзона составляли бывшие каторжники, сосланные сюда со всех концов Империи, а также солдаты и строители, работающие по контракту. Сами условия жизни на недавно открытой планете были слишком тяжелы, чтобы женщины по доброй воле соглашались сюда прилетать. Чаще всего вслед за мужьями сюда попадали лишь такие же переселенки – империя щедро платила семьям, которые решались бросить прежнюю жизнь и перебраться на новое место. Их не только бесплатно доставляли до места, они на целых три года освобождались от налогов и рассчитывали на премию за каждого ребенка, рожденного в течение первых пяти лет колонизации. И все равно многие женщины неохотно снимались с места. Кому хочется из пусть и маленькой, и расположенной на сотом этаже небоскреба, но отдельной и вполне комфортабельной квартирке перебраться в собранный кое-как дом, стоявший в дикой местности? Кому охота в одночасье лишиться всех благ цивилизации – супермаркетов, центров развлечений, офисов, такси, инфранета, и, самое главное, отказаться, хотя бы на первое время, от части бытовой техники? Готовить самостоятельно, а не с помощью кухонного комбайна, стирать в обычной стиральной машине, а не роботизированной, убираться с помощью допотопного пылесоса, а не простым нажатием кнопки на дверной панели и даже – о, ужас! – принимать обычный душ, а не ионизированный с гидромассажем. Кроме того, следовало подумать о детях. Колонисты обязаны размножаться, а едва ли в наше время найдется женщина, которая решится всю оставшуюся жизнь добровольно посвятить себя вынашиванию, кормлению и воспитанию многочисленного потомства? Только за деньги!

Поэтому в их форте, не самом малочисленном, на пятьдесят мужчин приходилось всего четырнадцать женщин – жены рядовых поселенцев и чиновников. А в дюжине бригад, которые основали небольшие поселки и раз в месяц являлись сюда на ярмарку, только в шести име-

лись жены, да еще в трех удалось разжиться киборгами женской модели. Но бригада Роя была лишена даже такого сомнительного удовольствия, как биомеханическая секс-игрушка.

– Женщину, – повторил Рой, скользнув взглядом по своим людям.

Вспомнил свою жену. Восемь лет назад он был женат и строил планы на жизнь. Его супруга имела свое представление о том, чем занимается ее муж, и когда он попал за решетку, сгоряча обещалась ждать. Но как только Рою предложили заменить тюремное заключение на поселение – первые пять лет обычная каторга, потом жизнь на новой планете на общих основаниях – как от любящей супруги прилетело официальное уведомление, что их брак, оказывается, не только давно расторгнут в одностороннем порядке, но и бывшая жена успела обзавестись новым мужем и ребенком. Из остальных членов его бригады лишь двое в прошлой жизни были женаты, но их жены, как и его собственная, не пожелали иметь с новой жизнью мужей ничего общего. Уже третий год они жили на Гудзоне, как свободные граждане, и вполне могли бы обзавестись семьями, но где их возьмешь на неосвоенной планете? Жен надо подбирать в большом мире, а как это сделать, если за три года ни один из них не посетил даже столицу Гудзона, единственный к тому же «настоящий» город на планете?

– Значит, женщину?

– Да хоть киборга, – высказался Таммо. – Но лучше бы какую-нибудь настоящую...

– Ага, – хмыкнул второй бывший женатик, Грак, – так они тебе и полетят сюда!

– Но ты там все-таки посмотри, бригадир, – Таммо сверлил Роя взглядом. – Авось какая и подвернется... Любая, только чтоб настоящая... Ну, а уж если нет, то... чего уж...

Он махнул рукой.

Транспорт отходил от их поселка до столицы строго в определенное время, так что сборы были недолги. Вместе с Роем в столицу и далее, в большой мир, из форта отправлялись еще четверо – врач, который собирался приобрести лекарства, шовный и перевязочный материал, а также присмотреть кое-что из списанного медицинского оборудования – вдруг, да удастся по дешевке купить, скажем, зубнопротезирующий аппарат, который сможет проработать хотя бы полгода! Вторым был чиновник, вывозивший свою жену «проветриться», третьим – бригадир соседней с Роем бригады, ну и сам начальник, майор Гравер.

– Ты летишь в большой мир, – обратился он к Рою, – поэтому держись рядом со мной. И без глупостей, понятно?

Рой посмотрел на свое начальство с удивлением, и тот мысленно испустил мученический вздох. Нет, этот тип слишком туп, несмотря на то, что было написано в его досье. Путешествие на другую планету вряд ли окажется приятной прогулкой!

Следующие несколько дней слились для обитательниц «склада готовой продукции» в один нескончаемый нудный день. Окошек не было, смена времени суток регулировалась лампами под потолком и «звуками природы» – когда начинало светать, тишину нарушали какие-то шорохи, чириканье, писк и потрескивание, которое при известной доле фантазии можно было принять за птичье пение. Видимо, их новые владельцы имели весьма смутное представление о том, как живут настоящие земляне. Наверняка, они были убеждены, что каждый житель Старой Земли просыпается под пение птиц за окном, и старались создать все условия. Но, как назло, все девушки были закоренелыми горожанками, и подобные звуки их не радовали.

– Хоть бы музыку какую-нибудь включили! – вздыхала Ярослава. – Сдохнуть со скуки можно!

– И интернет бы провели, – ее соседка с другой стороны, Ангелина, яростно пыталась руками прочесать волосы. – А то сидим тут, как в банке.

Надежда, которая волею судьбы оказалась между этими двумя девушками, предпочитала помалкивать, хотя понимала, что это-то делать и не следовало. Но она не могла заставить себя подружиться с этими девушками, из которых самой старшей было двадцать три года, а самой

младшей – девятнадцать. Большинство были студентками, приехавшими в Москву из провинции, еще две не имели близкой родни, а миниатюрная брюнетка Ольга вообще сбежала из дома, рассорившись с матерью, и радовалась уже тому, что никогда не вернется на Землю. «Лучше тут, чем дома!» – твердила она и строила планы, как развернется и заживет, едва выйдет из этих стен.

Но время шло. Девушек исправно кормили, их обеспечивали средствами гигиены, нижним бельем и кое-какое одеждой, время от времени водили на медосмотры – и больше ничего. Предоставленные сами себе – хотя никто не сомневался, что здесь повсюду видеокамеры – девушки проводили время в безделье, от нечего делать вспоминая прошлое, болтая о пустяках и ссорясь. Ссоры и споры вспыхивали на пустом месте – не сразу ответила на вопрос, сказала не то, что от нее ждали, не туда и не так посмотрела, не так стоишь, не там сидишь... Придирались ко всему подряд, разве что до драки пока не доходило – делить-то особенно нечего!

– Интересно, они нас тут до старости держать будут? – как-то раз поинтересовалась Ольга. Она лежала на спине, задрав к потолку ноги и внимательно их рассматривая. – Красота – товар скоропортящийся. Еще чуть-чуть – и нас даже с доплатой никто не возьмет!

– А тебе хочется, чтобы взяли? – спросила блондинка Алена. После операции на гортани, когда у нее отвалился не успевший прижиться транслятор, она могла говорить только шепотом.

– А почему бы и нет? Для чего-то ведь нас похитили! Не в гарем же восточного владыки!

– Ох, нет! – Алену передернуло.

– А если и в гарем, то где он, наш повелитель? – Ольга плавно перевернулась набок, потянулась по-кошачьи. – Почему не навещает своих любимых жен?

– Может, мы ему для коллекции нужны. Или на опыты какие-нибудь? С чего ты взяла, что он вообще человек?

– С того, что до сих пор нас окружали только гуманоиды. И среди них попадаются даже симпатичные...

– Кто, например? – третья девушка, Ксения, подключилась к разговору.

– А хотя бы этот... Асер, – Ольга мечтательно улыбнулась. – Который нас сюда завлек...

Надежда, невольно прислушивавшаяся, вздохнула. Эх, знать бы заранее, что ничего хорошего из знакомства в баре не выйдет... Но тогда она была так расстроена и огорчена своей неудачной жизнью, что даже не думала о последствиях. И кто сказал, что все перемены всегда к худшему? Хотя, если выбирать между сидением здесь и смертью от ножа нового Чикатило, здесь всяко лучше!

– Асер? – красавца-похитителя, которого девушки иногда видели в числе конвоиров, сопровождавших их на «медосмотры», все уже давно звали его настоящим именем, а не теми обманками, которые он использовал. – Тебе он еще нравится?

– А что? Он симпатичный, не дурак, руки не распускает и вообще... Любовь, девочки, это такая штука... – Ольга закатила глаза. – Главное – найти настоящую, а там она ради тебя горы свернет!

– Это Асер-то? И ради тебя? – усмехнулась Ксения.

– А что? – мигом взвилась Ольга. – Ради тебя, что ли, коза драная! Ты на себя посмотри, ни рожи, ни кожи!

– Это я-то коза драная? – не осталась в долгу та. – Ах ты... Корова жирная!

Ольга взвыла и ринулась на противницу. Та встретила ее пинком и вцепилась в длинные пышные волосы брюнетки, которые та почему-то сегодня не заплела в косы. Ольга не осталась в долгу и прошлась по лицу Ксении ногтями. Визжа, рыча и осыпая друг друга проклятьями, девушки покатались по полу. Зрительницы кинулись кто куда, крича, чтобы они немедленно прекратили. Те, кто сгоряча сунулись было разнимать дерущихся, сами получили за поддержку и поспешили дать сдачи.

Надежда попятилась. Что такое женская драка, она уже успела насмотреться, и не испытывала никакого желания вмешиваться. Тем более что за пленницами следили. И реакция последовала незамедлительно.

Послышалось шипение, и в следующую секунду сверху хлынул поток ледяной воды.

Попало на всех, так что не только драчуни с визгом, отряхиваясь и прикрывая головы руками, метнулись в рассыпную. Больше повезло тем, кто оказался в своих боксах и успел прижаться к стене – у них оказалась сухой хотя бы спина. Остальные мигом вымокли до нитки и больше походили на облезлых кошек, чем на красивых еще недавно девушек.

Вода лилась еще с минуту, затопив пол. Потом в углах открылись люки, куда она утекла, унося с собой кровь, клочья выдеранных волос и обрывки одежд.

– Что, получила? – Ксения предусмотрительно скрылась в своем боксе. – Курица мокрая!

– На себя посмотри, – Ольга держалась за голову. – Ты мне столько волос выдрала! Кто меня теперь такую возьмет?

По лицу девушки было видно, что она хочет ответить, но помнит о купании и старается держать язык за зубами.

Экран погас.

– Ты это видел, Шохх? – Пшемыньски выпрямился, покосившись на другой экран, где виднелся его компаньон.

– Видел, – булькнул тот. – Это нормально для здоровых самок вашего вида и...

– Это не нормально! – огрызнулся пират. – Третья драка за пять дней. Они теряют товарный вид. А я – свои деньги. Мало того, что теперь придется тратиться на пластику и косметику, так я еще и торчу здесь лишних несколько дней. А ты знаешь, что мне не стоит задерживаться на одном месте дольше обыкновенного. Товар нелегальный. Какой-нибудь налоговый придерется... В общем, аукцион должен состояться, как можно раньше.

– Мы договаривались на восемнадцатый день...

– На десятый! Максимум на одиннадцатый! – перебил его Пшемыньски. – Это через трое суток. И ни днем, ни часом позже. Сейчас половина первого часа по местному времени. Так вот, ровно через семьдесят два местных часа мы открываемся!

– Ужас-с-с! – зашипел змеелюд, раздувая горловой мешок так, что тот перекинулся на плечи и затылок, в результате чего Шохх не смог даже поднять свои коротенькие ручки и обхватить ими голову по примеру некоторых гуманоидов. – Форс-с-мажор! Такие рас-сходы! Ничего не готово! Реклама... клиенты... приглаш-шения...

– Реклама особая не нужна. Расходы в основном мои. Клиенты... кто-то ведь уже прилетел? На них и рассчитывай. А остальным пошли сообщение, чтобы поторопились. Мол, товар держим только сутки, потом распродаем как неликвид. В крайнем случае, маякни перекупщикам. Они уже завтра всю партию оптом с руками оторвут. Не мне тебя учить.

Собственно, Никол Пшемыньски вполне мог обойтись и без этого осторожного ксеноса. Но у Шохха тут был разветвленный бизнес, партнеры, акции, и иметь его в качестве легального прикрытия было в интересах «черного» звездoproходца. Это позволяло обходить закон и торговать без наценок и бумажной волокиты.

Змеелюд взял себя в лапки и с шипением выпустил воздух из горлового мешка. Тот опал серо-зеленой тряпчочкой, не торопясь втягиваться – все-таки у Шохха *действительно* началась пора линьки и заукливания, и кожа утратила эластичность. Время поджимало, и он не стал спорить.

– Хорош-шо. Я пос-стараюсь справиться!

Драка не прошла для девушек бесследно. В тот же день их всех потянули на внеплановый медосмотр, после которого многие вернулись странно заторможенными. Ольга вообще прото-

пала до своей койки и уснула, едва ее голова коснулась подушки. И проспала потом больше суток. Ксения, ее соседка, не спала, но сидела неподвижно, почти ни на что не реагируя и ни с кем не разговаривая. Остальные тоже были вялыми, и Надежда поняла, что всем девушкам вкололи какой-то наркотик, полностью подавляющий их чувства.

Сама себя она ощущала столь же заторможенной и подозревала, что это сделано не просто так, а с определенной целью.

И оказалась права, когда на третий после драки день их всех по одной вывели из комнаты.

Пройдя вслед за конвоирами по узкому коридору, Надежда свернула не налево, как их вели на медосмотр, а направо. Длинный проход закончился в зале, который по количеству оборудования и размерам походил на сборочный цех какой-нибудь фармацевтической фирмы. Пахло, во всяком случае, какой-то парфюмерией.

Надежду поставили на ленту медленно ползущего через весь «цех» конвейера, скоренько закрепили в вертикальном положении, зафиксировав щиколотки. Справа и слева выдвинулись два опорных штатива.

– Держи. Стой.

Благодаря транслятору, некоторые слова она уже знала. Тем более, если они подкреплялись соответствующими жестами. Она послушно схватилась за штативы и чуть не рассмеялась – сходство с лыжником на старте было поразительным. Но, если присмотреться, впереди на той же ленте точно в таких же позах стояли и остальные девушки.

Конвейерная лента медленно ползла через зал, а Надежду и ее подруг поочередно обдавали волны то влажного, то сухого пара. То их обволакивало что-то мягкое, словно полотенце, то щекотали мягкими валиками. «Готовят, – поняла женщина. – Только к чему? Неужели началось?»

Спросить, однако, было не у кого – процесс оказался настолько автоматизирован, что людей она увидела всего дважды. Сначала когда ее «загружали» на ленту и второй раз – когда помогали с нее слезть.

Еще несколько шагов – и Надежду впихнули в странный «стакан» с полупрозрачными стенками и зеркальным полом шириной чуть меньше полутора метров – это женщина поняла, раскинув в стороны руки. Потолка, как такового, не было, но стенки были такими гладкими и заканчивались так высоко, что нечего и думать выбраться. «Как хомячок в банке», – подумала она, глядя вверх. Наверху, прямо над ней, нависала лампа. Пока еще она лишь тускло мерцала, но было понятно, что в случае чего свет врубится на полную мощность. Больше сквозь полупрозрачные стенки рассмотреть было нечего – снаружи явно было темнее.

«Витрина. Я – на витрине, как манекен в магазине! Значит, нас действительно продают. А мы даже не можем узнать, кто нас выберет. И когда!» – к горлу волной подкатила паника, но страха не было. Даже сердце лишь чуть-чуть ускорило ход. Видимо, успокоительный наркотик все еще действовал.

Ладно. Она все равно не сможет пока ничего изменить. Значит, надо взять себя в руки и подождать. Тем более что все равно ничего другого не остается.

«Стакан»-витрина был совершенно пуст, если не считать небольшой подставки, напоминающей барный табурет. Устав стоять, Надежда присела на него, опершись спиной о «стену» и приготовилась ждать.

Космический лайнер «Светлый Путь» совершал трансгалактический перелет и останавливался почти на всех встречных планетах, либо высаживая пассажиров, либо подбирая тех, кто купил билеты. Судя по маршруту следования, конечной остановки у него не имелось. Он двигался, описывая огромный эллипс, и должен был прилететь в исходную точку примерно через двести стандартных суток. То есть, вернуться на Гудзон тем же путем Рой, конечно, мог – если бы сперва согласился прожить на Аукционе эти двести дней, а потом еще около двухсот

дней лететь на лайнере, дожидаясь, пока тот опишет круг. Пусть сейчас он и был свободным человеком, но так долго отсутствовать на планете не входило в его планы. Тем более, его ждет бригада. За восемь лет они успели стать друг другу настолько близкими, что у Роя было чувство, будто он оставил там родных братьев.

Сопровождавший его командир форта, майор Гравер тоже не мог надолго оставлять форт и вверенный ему гарнизон. Еще, чего доброго, случится что. А ему отвечать! Там, в форте, он был богом и царем. А все знают, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме. Где этот Рим, Гравер не знал, но поговорка старая, значит, правдивая.

– Через пять дней мимо пролетает чартерный транспортник «Зеленый Луч», – сообщил он, изучив расписание. – Он проходит как раз мимо системы Гудзона. Я закажу на него билеты. У тебя пять дней. Ты знаешь, что делать?

Рой кивнул:

– Сначала в банк. Потом по магазинам.

– Не забудь заглянуть в бар. И расслабиться с девочками, – подмигнул майор. – А то ты их долго не увидишь... оторвись за всех!

Он ухмыльнулся, представляя себе ошарашенную физиономию мужика, и сам был порядком удивлен, когда Рой лишь пожал плечами, ничего не ответив. Да что этот каторжник себе позволяет? Как он смеет презрительно фыркать в ответ на его, майора Гравера, замечания?

Впрочем, здесь и сейчас ссориться с поселенцем не входило в планы командира форта. Не сейчас – это точно. Да и какой смысл? Они на пять дней оказались на Аукционе. Тут и без подобных шуточек есть, чем развлечься. А поиздеваться, подкалывая напарника, можно и на обратном пути – дескать, что же ты не всех девочек борделей перепробовал? Слабак!

Время в «стакане» тянулось неимоверно долго. Скоро Надежда устала просто стоять и сидеть. Она несколько раз прошлась туда-сюда – вернее, потопталась, разминая ноги. Потом потянулась, присела, покрутила плечами и бедрами, разминаясь. Вспомнились годы учебы, когда приходилось засиживаться над конспектами – тогда у нее также болела поясница и спина. Она, помнится, еще шутила тогда: «Верно говорят, что много будешь знать – скоро состаришься! Вот спину от учебы ломит, как у старой бабки!»

Нет, не вспоминать о прошлом. Его нет. И никогда не будет. Впереди только настоящее – то, которое закончится, когда ее выпустят из «стакана». Кстати, сколько она уже тут просидела? Часа три, не меньше. Есть хочется и пить. А еще – в уборную. Они что, уверены, что она – манекен, которому все равно, где и сколько торчать?

Надежда прислушалась. Снаружи была тишина, но женщина чувствовала – догадывалась – что тихо не просто так. На самой границе восприятия различалось мерное гудение каких-то генераторов. Видимо, тут есть установка, которая глушит звуки извне. Ведь если она на витрине, как обычный товар, то есть и покупатели. И они наверняка сейчас ходят с той стороны, рассматривают ее, обсуждают с продавцами достоинства и недостатки «экземпляров». Может, вот прямо сейчас за нее кто-то выписывает чек – или чем там в космосе расплачиваются? А может, магазин пока не открылся... Да нет, вряд ли. Наверняка, их запустили сюда непосредственно перед открытием. Красота, как говорила Ольга, товар скоропортящийся. Как бы узнать поточнее?

Неизвестность убивала. Вот это ожидание конца хуже смерти. Пусть бы уж что-то произошло!

Надежда прижалась лицом к стенке, закрыв голову с боков ладонями, чтобы лучше видеть, что происходит с той стороны. Что-то проясняется. Какие-то тени двигаются мимо. Силуэты... мама дорогая, да некоторые явно не гуманоиды! Вон шагает нечто, похожее на мед-

ведя. А с той стороны что-то... э-э... ползет? Господи, только попасть в рабство к разумным слизням не хватало!

«Мамочки, только не это!» – силуэт, похожий на вставшую на дыбы гусеницу – точнее рассмотреть не удалось – направился в ее сторону, и Надежда отпрянула. Почему-то захотелось перекреститься, и она еле подавила в себе порыв. Мама перед смертью стала очень религиозной, но дочь лишь скептически пожимала плечами – мол, это ты от страха. Правда, в церковь после смерти мамы ходила несколько раз... Но что теперь с того? Если бог и есть, то явно он не здесь.

«Гусеница», тем не менее, проползла мимо, и Надежда перевела дух. От облегчения колени подогнулись, и она опустилась на пол, устало прикрыв глаза.

Три дня пролетели, как один.

Ошеломленный Рой бродил по мегаполису, как потерянный, чувствуя себя чужим и лучше кого бы то ни было понимая значение словосочетания «каменные джунгли». Гудзон тоже был покрыт лесами – по всяком случае, та часть материка, где он жил. Там таилась своя жизнь, дикая, мало изученная. Несмотря на то, что планета двадцать лет, как вошла в состав империи, там даже вблизи фортов попадались новые виды зверей, птиц и растений. И открытым оставался вопрос по поводу местного населения. Кое-какие материальные свидетельства существования разумной жизни иногда находили, но вот тех, кто оставил все эти орудия труда и наскальную живопись – нет. Аборигены то ли вымерли, то ли переселились с этого материка куда подальше. За восемь лет, что Рой провел на Гудзоне, люди ни на шаг не продвинулись вперед в решении этой загадки, и сейчас мужчина чувствовал себя в городе, словно первопоселенец в джунглях. Кругом кипит жизнь, но она течет по своим законам, которые тебе не понятны и могут быть враждебны.

А ведь когда-то он был своим человеком в городе! Родился, рос и вырос в тех же условиях, что и окружающие его люди! Умел водить наземный транспорт и флайеры, разбирался в космической технике. У него было образование, работа, жена, друзья, коллеги и родственники. Нормальная жизнь. Потом она дала трещину, разделившись на «до» и «после». Тогда ему было тридцать лет. Сейчас – тридцать восемь. Но, пока он там управлял корчевальщиком, прокладывал дороги, строил форт, рубил беломры и разводил плантации, тут жизнь шла своим чередом. И Рой сообразил, что здорово отстал от нее. Эта вот кредитка – восемь лет назад таких еще не выпускали. Нет, будь у него несколько месяцев или даже пара недель, он бы сумел наверстать упущенное. Но времени до отлета оставалось чуть меньше двух суток, сорок пять местных часов. А надо было сделать еще два дела.

Разговор с бывшей женой он заказал еще на выходе из таможенного терминала, пока майор Гравер искал гостиницу. Он прекрасно помня, что дальняя связь с другими планетами потому и называется дальней, что ответа придется ждать несколько часов, а то и суток. Сам разговор при этом может тянуться несколько часов. Вернее, так было восемь лет назад и вряд ли что-то серьезно изменилось.

Он послал запрос по своему старому адресу, и ушел в банк обналичивать чек. Когда вернулся, стало ясно, что прогресс действительно не стоит на месте. Несмотря на то, что прошло всего три часа, ответ был уже готов. Короткая казенная отписка, что адресат выбыл.

Доплатив несколько кредиток, Рой послал повторный запрос – в справочную службу населения, чтобы его жену нашли через поисковик. Поиски заняли больше суток, несмотря на то, что обшарить следовало всего одну звездную систему, а не половину этого сектора Галактики, пока наконец не отыскался совпадающий по всем параметрам адресат. Еще несколько кредиток, перечисленных службе «Хакер-форева» – и вот он получил доступ к ее страничке в соцсети.

Абонент не был он-лайн, и Рой просто отправил ей сообщение. Что, мол, все-таки жив-здоров, чего и ей желает. Что прилетел на Аукцион на пару дней «в отпуск». Что интересуется новостями и вообще... Отправил и все оставшиеся дни ждал ответа. Межпланетный инфранет стоит баснословно дорого, но он все равно исправно дважды в сутки делал запрос.

Ответа не было.

Вторым незаконченным делом было приобретение...хм...женщины.

Проблема состояла в том, что приобрести ее можно было тремя путями, и у всех трех имелся существенный недостаток.

Во-первых, можно было жениться, но где за двое суток найдешь дурочку, готовую бросить цивилизацию со всеми ее благами и карьеру ради сомнительного счастья провести остаток дней на неосвоенной планете? Будь у него побольше времени, Рой бы так и поступил, но...

Во-вторых, можно женщину купить. Работоторговля преследовалась по закону, но на самом деле преследовался не сам факт купли-продажи людей и нелюдей, а как раз те торговцы, которые нарушали торговые законы и попадались на этом. Например, торговали несовершеннолетними детьми, приписывая им лишние два-три года. Или продавали тех рабов, за которых уже внесен выкуп. Или продавали людей на органы, или подделывали документы, а также сбывали за полцены откровенный брак – больных, калек или свежие трупы. Естественно, нельзя было продавать женщин с планеты Старая Земля или продавать рабов оптовыми партиями больше пяти десяти голов... Существовали и ограничения на торговлю ксеносами – у одних рас нормой было продавать не достигших зрелости особей или особей так называемого среднего пола, а другие готовы были порвать всех за попытку украсть одну личинку, зато «лишних» самцов и самок сбывали направо и налево. И так далее. При этом многие государства не просто смотрели сквозь пальцы на торговлю живым товаром, но и вовсю практиковали так называемое государственное рабство, когда рабами объявлялись военнопленные или заключенные. На Аукционе, кстати, находился один из самых больших в этой ветви галактики рынков рабов. Неофициальный, разумеется, ибо кто же признается? Но уж если покупать рабыню, то только у официальных представителей – купленный из-под полы товар обойдется дешевле, но в случае столкновения с полицией за такую рабыню Рой отделается чисто символическим штрафом. А если попадется с нелегальным товаром, то, учитывая его прошлое, может попасть в тюрьму как сообщник.

Всех этих проблем можно было избежать, если купить киборга. Списанные киборги часто поступали в продажу, но и тут надо было смотреть, как бы не наткнуться на торговцев краденным. Да и продадут, скорее всего, устаревшую модель, у которой будет всего одна-две рабочие функции и истекший срок годности.

Так что, куда ни кинь, всюду проблемы.

Обуреваемый этими невеселыми мыслями, Рой решил побродить по торговым кварталам. Здесь супермаркеты – многоэтажные кубы из стекла, пластика и металла – соседствовали с крохотными частными магазинчиками, складами, мастерскими, стоянками наземного и воздушного транспорта и кафе-закусочными. Всюду толпился народ – от местных обывателей до приезжих. Последних отличала суетливость – они боялись заблудиться и забыть что-либо купить. Они же чаще всего заходили в крошечные магазинчики.

Рой шел, совершенно ошалелый. Его давила к земле вся эта суета, рокот моторов, вспышки рекламных огней, движение, краски, запахи и потоки воздуха, вырывающиеся из труб кондиционеров. С каждой минутой все сильнее хотелось обратно, на Гудзон. В тишину, прохладе, одиночество. Когда-то он мечтал вернуться в большой мир. Глупец. Что он здесь забыл?

На перекрестке стояла тумба-справочная. Помявшись, Рой подошел. Ввел запрос «живой товар».

– Услуга платная, – предупредил механический голос. – Десять кредиток и пять за дополнительный оптимальный маршрут. Желаете продолжить?

– Желаю, – он нажал соответствующую клавишу.

– Оплата производится кредитами или наличными?

– Наличными, – он сразу по прилету обналичил чек и уже успел потратить часть сбережений, купив аккумуляторов, пищевых концентратов, запчастей и кое-каких бытовых мелочей.

– Тогда будьте любезны вставить купюру в купюроприемник. Автомат сдачи не выдает, – любезно сообщил механический голос.

Едва Рой выполнил требование, как на табло высветилось аж шестнадцать ссылок – адреса, по которым можно было купить живой товар. Увы, девять из них торговали домашними животными, еще в двух местах речь шла о ксеносах. Еще одна ссылка оказалась заблокирована, но четыре оставшихся...

– «Тотальная распродажа. Полная ликвидация коллекции. Скидки. Цены снижены. Только сертифицированный товар. Прекрасно обученные рабыни от лучших производителей. Широчайший спектр услуг и способностей. Количество товара ограничено», – прочитал он самое яркое из объявлений. – Это. И еще... – наугад ткнул пальцем, – вот эти два.

– Вычисляю оптимальный маршрут, – сообщил компьютер. – Будьте любезны оплатить распечатку.

Рой оплатил и внимательно посмотрел на полупрозрачный лист, на котором были отмечены нужные точки. Одна из них оказалась совсем рядом – пройти вперед до первого же поворота направо, а там через три дома в полуподвале четвертого и располагалась та самая «тотальная распродажа».

Добравшись до нужной точки, он почувствовал неладное. Сообщение о полной ликвидации и сниженных ценах наводило на мысль о расформировании магазина. Но приземистое здание с широко распахнутыми дверями не производило впечатления фирмы на грани банкротства. Здесь все говорило если не о недостатке, то об устойчивом равновесии. Фойе с кондиционером и указателями, эскалаторы, блеск и чистота, негромкая этническая музыка, ароматы благовоний.

– Что желаете? – мило улыбнулась крошка на ресепшене. По хрупкому сложению и кремового цвета коже Рой опознал юми – одну из двух разумных рас этой системы.

– У вас тут ликвидация коллекции... женщины, – сказал мужчина, ткнув пальцем в распечатку. – Человеческие.

– Второй этаж, третий зал. Прямо до эскалатора, а потом следуйте за стрелкой-указателем, – ответила ему юми. – Вам повезло. Начало акции сегодня, вам предоставляется самый большой выбор.

Добравшись до третьего зала, Рой понял, что не он один узнал о рекламной акции. Между прозрачными витринами, за которыми были выставлены девушки, судя по цвету кожи, четырех разных рас, прохаживалось десятка полтора людей и несколько ксеносов. Мелькали менеджеры-юми. Прямо перед Роем один менеджер как раз оформлял для трех гигантов-веганцев покупку невысокой прекрасно сложенной девушки с длинными черными волосами. Еще одну, высокую худощавую блондинку, сквозь стекло осматривал какой-то человек. Выражение его лица Рою не слишком понравилось, но подскочившему к нему юми на мимику людей было наплевать, и он начал торг.

Рой пошел по залу. Несколько витрин оказались пустыми, в четырех обнаружились мутантки.

– Что-нибудь желаете? – рядом материализовался менеджер-юми.

– Да. Мне нужна женщина.

– Вы очень удачно зашли. Сегодня мы производим тотальную распродажу. У нас большой выбор. Есть профи и даже земного типа! – он заговорщически подмигнул. – У вас есть конкретные пожелания? Рост, фигура, цвет кожных покровов, волос...

– Э-э...мне как-то... Пусть она будет просто красивой.

Юми растерянно мигнул. Понятия о красоте каждая раса имела свои. Даже среди людей не было единодушия, что говорить о представителях других племен!

– Уточните параметры, – тем не менее менеджер схватился за планшет.

– Я могу посмотреть каталог? – нашелся Рой, и уже минуту спустя стал обладателем целой папки файлов. Некоторые, правда, оказались заблокированы – этих девушек уже купили. В конце концов, он выбрал нескольких.

– О, у вас есть определенные требования к фенотипу моделей, – покивал головой юми.

Сначала Рой хотел возмутиться, но потом присмотрелся и понял, что менеджер был прав – он невольно выбирает тот же тип, что и у его жены – фигура, вес, черты лица, цвет волос...

Нет, ну ее к черту! Бегло окинул взглядом остальных и наугад ткнул пальцем в картинку, которая не имела с его бывшей ничего общего:

– Эту. И... вот еще ее.

– Прекрасный выбор, – обрадовался менеджер. – Прошу посмотреть товар!

Он энергично поволок человека к дальним витринам, но Рой внезапно словно споткнулся.

В отличие от большинства девушек, эта сидела на полу, прижавшись боком к прозрачной стенке и слегка откинув назад голову. Лицо ее было спокойным, даже каким-то умиротворенным. Руки лежали на коленях. Темно-русые волосы слабо вились и падали на плечи. Длиной они были где-то до лопаток или чуть-чуть ниже, а впереди доставали до сосков крупной красивой груди. И в отличие от остальных девушек она была... как бы это помягче сказать... не самая юная. Но ее лицо... ее фигура... Рой поймал себя на мысли, что хочет увидеть, какого цвета ее глаза.

– Эта.

– Но вы выбрали других. Они чуть дальше по ходу, а...

– Сначала эту. Если... она еще не продана.

Менеджер сверился с планшетом.

– Номер 22-14, – нашел он. – Нет, еще не продан. Показать?

– Да.

Наверное, Надежда все-таки задремала, потому что яркий свет, внезапно озаривший ее «стакан», напугал женщину. Она резко выпрямилась, распахнув глаза. Что происходило снаружи, за полупрозрачными стенами, ей по-прежнему было не видно, но она каким-то чутьем угадала, что не стоит оставаться на месте. Женщина встала, озираясь по сторонам и чувствуя, что на нее смотрят. Ощущение пристального взгляда было таким сильным, что она невольно сделала шаг вперед.

Тишина. Откуда-то смутно доносились звуки – шорох, гудение автоматики, отголоски чьих-то речей.

А еще минуты две или три спустя за ее спиной тихо отъехала часть стенки «стакана». И один из охранников махнул рукой:

– Иди сюда!

Бросив последний раз взгляд на переднюю «стенку», за которой только что совершилось нечто важное, Надежда осторожно спустилась с невысоких ступеней. Ей внезапно почему-то стало очень холодно и неудобно под взглядами мужчин, и она с благодарностью приняла короткий обтягивающий комбинезон до колен, а также широкую накидку, похожую на средневековый плащ. Обуться ей не предложили, и она с тревогой переминалась с ноги на ногу, поджимая пальцы.

На ее запястье защелкнули прозрачный браслет, внутри которого время от времени пробегала синяя искорка. Второй такой же браслет был у охранника, и тот продемонстрировал его женщине с решительным:

– Нельзя!

– Да, – ответила она вслух, памятуя, что должна практиковаться в языке. С тех пор, как ей вживили транслятор в ухо и модулятор в голосовые связки, особой практики не было. Женщина заучила всего десятка-полтора слов и научилась понимать примерно столько же. Остальное без приборов для нее по-прежнему звучало невнятной тарбарщиной.

– Иди, – охранник двумя пальцами изобразил переступающие ноги.

Она пошла.

Ее не вывели в зал. Провели какими-то подсобными помещениями и втолкнули в офис, где над столом склонились трое. Кремовекожий низкорослый инопланетянин и два человека. У одного был слабый лиловый оттенок кожи, но судя по чертам лица, это был землянин. Второй...

Второй резко выпрямился и уставился на нее.

Высокий, выше всех, включая рослого охранника, он не производил впечатления великана – просто кремовекожий менеджер и землянин сами по себе были маленького роста. Его фигура больше наводила на мысль о тяжелоатлетах и вольных борцах, чем о капитанах межзвездных кораблей – трудно было бы представить, что этот тип мог втиснуться в кресло пилота. Хотя много ли она видела этих самых кресел? Темноволосый, слегка смуглый, чертами лица чем-то напоминавший Надежде индейцев из приключенческих фильмов, он был одет во что-то... хм... будем считать это костюмом, слегка скрывавшим фигуру и делавшим ее чуть расплывчатой.

– Эта, – послышался голос менеджера. – Желаете проверить качество товара?

Сообразив, что именно подсказал транслятор, Надежда невольно задержала дыхание. Значит, вот он, ее хозяин? Тот, кто ее... купил? Ну да. Она бросила взгляд на стол. О местной технике женщина имела весьма смутное представление, но сообразила, что вот этот прямоугольник, висевший над столом на гибкой подставке, наверняка компьютер. А что клавиатуры нет – так мало ли, какие у них тут технологии. Может быть, сенсорные или – чем биоинженерия не шутит! – информация напрямую транслируется с кончиков пальцев через особые гаджеты, подобные ее транслятору. Или вовсе голосовая команда.

Мужчина шагнул к ней, и Надежда невольно попятилась. Широкая ладонь легла ей на плечо, слегка сжала, заставив повернуться одним боком, потом другим. Затем твердые пальцы – кем же он работает, раз у него не руки, а какие-то клещи! – ухватили ее подбородок, заставив вздернуть голову. Взгляды их встретились. Вопреки предчувствию и расхожему мнению, Надежда не увидела в глазах незнакомца ни страсти, ни ненависти, ни каких бы то ни было чувств. Только спокойствие и...довольство.

Да, он явно был доволен, хотя и старался это скрыть.

– Она совершенно здорова! – вылез менеджер. – Вам выдадут сертификат качества. Гарантийный срок – тридцать шесть стандартных лунных месяца. Если в течение этого времени выявятся неполадки в функционировании ее организма, вы можете обратиться в фирму, и вам предоставят другой... другую женщину по гарантии. Или вернут полную стоимость покупки!

Транслятор добросовестно перевел и эту фразу, и Надежда прикусила губу. «Неполадки в функционировании ее организма!» «Сертификат качества!» Гарантии... Как будто она – бытовая техника, нечто среднее между кухонным комбайном и стиральной машиной. Хотя, если подумать, большинство ее замужних современниц как раз так и воспринимаются мужьями. По крайней мере, ее бывший муж так и считал. И сейчас, по сути дела, произошло то же самое, что происходит в любом ЗАГСЕ любого города Земли. Только тут сделка совершается открыто, не завуалированная чувствами и не задрапированная внешним блеском свадьбы.

Она попыталась подавить в себе горькое чувство разочарования, и неожиданно ощутила, как рука на ее плече напряглась снова. Ну как же! «Хозяин» все еще рассматривал ее и навер-

няка заметил выражение ее лица! Интересно, как на этой планете поступают с «вышедшей из строя бытовой техникой»? Попросит сразу обменять на другой экземпляр по гарантии или...

– Нет, – в это коротенькое слово мужчина ухитрился вложить столько разных оттенков, что Надежда с удивлением воззрилась на него. – Я ее беру.

– Тогда... приступим к оформлению сделки.

Из щели в столе выскочил пластиковый прямоугольник, расписанный какими-то знаками. Надежду не пригласили подойти, и она почти ничего не видела. Заметила лишь, что все трое – землянин, кремовекожий менеджер и покупатель – поставили отпечаток большого пальца внизу документа, затем поколдовали над экраном компьютера, отказавшегося обычным сенсорным, после чего в ту же щель одна за другой были вставлены несколько небольших, около дюйма, карточек. На замену им появился еще один прямоугольник, затем на запястье незнакомца пискнул какой-то прибор, похожий на наручные часы, и землянин привстал, протягивая руку в старинном жесте пожатия:

– Поздравляю с удачной покупкой. Надеюсь, вы останетесь довольны. Если же возникнут какие-то проблемы, вы всегда можете обратиться в нашу фирму...

– Не возникнут.

Голос у него был сухой, деловой. Люди, которые говорят такими короткими, словно обрубленными, фразами, точно не способны к произнесению пространных монологов, терпеть не могут красивых слов и совершенно не понимают поэзию.

– Может быть, – вылез вперед кремовекожий менеджер, – вы не откажетесь приобрести инструкцию...

– Нет.

– В таком случае... прошу.

Охранник, приведший сюда женщину, передал незнакомцу браслет, точную копию того, что красовался на ее запястье. Мужчина с трудом натянул его на свою руку, покрутил кистью, словно браслет ее немилосердно давил, но ничего не сказал. Только кивнул, сгреб со стола все, что там было, сунув в сумку на боку и, как ни в чем не бывало, кивнул Надежде:

– Пошли.

Вот и все. Свершилось. Она стала собственностью какого-то человека, который даже не обращал на нее внимания!

«Собственно, чего ты хотела? – попробовала уговорить себя женщина. – Это только в книжках чувства рабыни имеют какое-то значение. В жизни все иначе. Тебе с самого начала дали понять, что ты – рабыня, живой товар. Что тебя продадут, как и всех остальных землянок. Ты практически с этим смирилась, тем более что все равно в этом мире тебе в одиночку не выжить. Ни денег, ни знания языка, ни документов, ни даже профессии, кроме самой древней... Да и то, наверняка тут такая конкуренция! У них, может, давно в ходу виртуальный секс! Тогда зачем ему нужна женщина? Тот мелкий что-то говорил о физическом здоровье... Господи, неужели он – владелец подпольных гладиаторских боев?» – Надежда представила себя в кожаных доспехах с допотопным холодным оружием, сражающуюся на арене с другой такой же бойчихой. Картинка сильно напоминала сценки из жизни Древнего Рима и некоторых фантастических книг и фильмов. Почему-то каждый второй землянин, попавший в мир будущего, в этих фильмах и книгах становится гладиатором. Либо это мечта и тоска определенного типа мужчин по «настоящей жизни», либо у них тут все настолько слабые, что физическая сила воспринимается, как атавизм. Хотя... она покосилась на своего спутника... Ее «хозяин» не производит впечатления офисного мальчика. Скорее, он мог бы являться этим бывшим гладиатором, слегка растерявшим форму, но еще помнивший, как надо сражаться.

И все-таки, что ее ждет?

Рой исподтишка косился на идущую рядом с ним женщину. Она была красива. Не той утонченной, изысканной и малость изнеженной красотой, какой блистала его жена, а красива изначально. Видно, что она такой и родилась, а не сделана умелыми руками пластических хирургов, визажистов и косметологов. Чуть выше среднего роста, хорошо сложенная, с развитой фигурой, правильными чертами лица. А ее глаза... Когда он взял ее за подбородок, заставив поднять лицо, его больше интересовал цвет ее глаз, чем их выражение.

Серые. Они у нее серые. И не просто пепельного цвета, а с тонким голубым ободком вокруг зрачка и слабым оттенком голубизны. Было в них что-то глубокое, как в небе, на которое смотришь – и мысленно переносишься в иные миры. Мир в женских глазах... Бывает же!

А еще у нее нет страха. Нет, она боялась – это ощущалось всеми порами кожи – но при этом умело сдерживала свои чувства. Может быть, и приживется.

Они выбрались на улицу, и женщина вздрогнула, невольно отступив назад. «Испугалась!» – подумал Рой, но тут она, наоборот, качнулась вперед, озираясь по сторонам с таким видом, словно впервые увидела окружающий мир. Дома, улицы, парящие над головой рекламные щиты и указатели, толпу разномастных пешеходов, наземные и воздушные машины... Рой вспомнил, как сам, сойдя после восьми лет практически полной изоляции и жизни в глуши Гудзона, первое время шарахался от каждого движения и пугался каждого звука. Он даже сейчас, почти четверо суток спустя, не привык к суете большого города и ждал того момента, когда вернется на свою дикую неосвоенную планету. Эта женщина точно такая же. Она, как и он, чужая этому яркому, шумному, сложному цивилизованному миру. И он по-новому, с интересом посмотрел на свое приобретение.

Надежда почувствовала его взгляд. Обернулась. Встретила взгляд купившего ее мужчины. Взгляд пыливый, изучающий. Так смотрят на диковинного зверька, ожидая, что тот выкинет. Конечно, она могла ошибаться – кто их, этих инопланетян, знает! – и на всякий случай опустила глаза. Как сказать: «Простите!» – она не знала.

– Пошли.

Он потянул ее за руку. Кисть сдавило как в клещах, одновременно горячая волна прошла по телу. Надежда покачнулась, едва не теряя сознание, но стоило ей сделать шаг вслед за мужчиной, как неприятные ощущения пропали. Браслет! Это он так действует! Наверное, в эту пару артефактов встроены датчики, которые срабатывают на определенном расстоянии. Или он каким-то образом обрабатывает словесные команды владельца и реагирует в случае, если она их не исполняет. Надо будет выяснить. Вдруг окажется, что она до скончания века обречена таскаться по пятам за этим типом!

Однако не пойти она не могла, хотя шагать было неудобно. И вовсе не потому, что от долгого сидения затекли ноги. Просто за последние дни Надежда так привыкла ходить босиком, что прикосновение здешнего дорожного покрытия – не привычный асфальт, а что-то другое! – заставило ее напрячься. Чуть шершавая поверхность так странно щекотала пятки...

Он опять что-то почувствовал. Оглянулся на ходу, смерил женщину долгим взглядом и по тому, как он задержал взор на ее босых ногах, Надежда догадалась, что он все понял. Вернее, поняла, что он обо всем догадался, потому что остановился и махнул рукой проносящемуся мимо флайеру:

– Сюда.

Глава 4.

– Скучаешь?

Гурий вздрогнул. У его начальника, капитана Крокуса, была одна неприятная привычка – он обожал вот так внезапно являться с проверкой к вахтенным, нарочно выбирая моменты, когда те заняты, и огорошивать неожиданным и порой нелогичным вопросом. Он полагал, что человек выдает свои тайные намерения и раскрывает карты именно тогда, когда сбит с толку и не успевает придумать неправильный ответ на вопрос.

К Гурию, как новичку, капитан приставал чаще всего, наверное, радуясь непосредственной реакции юноши. Но сейчас ожидаемого эффекта не получилось. Вздрогнув, Гурий лишь отмахнулся:

– Не сейчас, господин капитан. Я занят!

– И чем же это таким ты занят, что даже некогда обратить внимание на свое начальство? – капитан навис над левым плечом стажера, угрожающе сопя носом.

В рубке они сейчас были одни. Стояла глубокая – по внутренним часам корабля – ночь. Практически все спали. Бодрствовали только дежурный в машинном отсеке, вахтенный офицер Гурий Хват и капитан Крокус. В целях экономии и дабы «создать атмосферу» были погашены все лишние огни. Лишь несколько экранов светились голубоватым сиянием, да над входом мигала лампочка.

В обязанности вахтенного входило слежение за ближайшим сектором космоса, чем Гурий Хват и занимался, а не спал в кресле, пользуясь тем, что в данном секторе корабли появляются не каждые сутки.

– Читаю, – признался Гурий, кивнув на окошко с текстовым файлом.

– Что именно? – начальник изобразил интерес.

– Документы. В данный момент изучаю информацию по «Атаке Линка», спецгруппа «Морские ежи». Этот Линк, оказывается, был...

– Глупости, – отмахнулся, не дослушав, капитан. – Межзвездные конфликты, да еще с участием спецназа... Ерундой занимаешься в рабочее время?

– Н-не только! – Гурий сообразил, что за попытку получить дополнительное образование тут по головке не погладят. – Еще я пытаюсь отследить маршрут во-от этого объекта, – юноша ткнул пальцем в экран. – Ну, и заодно проверить его параметры. А то идет с «глушителем» и не поймешь, кто это.

– А тебе это так уж важно? Может, это просто обычный транспортник!

– Может быть, но тогда зачем ему ставить «глушилку»? Значит, ему есть, что скрывать!

– Свои параметры, например?

– Или наличие вооружения, – на боковом экране как раз сменяли одна другую картинки всех типов вооружения, которые ставились на корабли. Список был длинным.

– Ну и что?

– А вдруг это пираты! У нас под самым носом! Господин капитан, отдайте приказ подать предупредительный сигнал, чтобы они остановились для досмотра!

– Сейчас? Ночью? – дождавшись кивка подчиненного, начальник усмехнулся: – Лишив людей отдыха?

– Но вдруг это все-таки пираты? А мы за последние дни и так не слишком напрягались...

Тут Гурий был прав по всем статьям. Экипаж «Стремительного» действительно скучал, убивая время в тренажерном зале и за просмотром бесконечных сериалов. Скука доходила до того, что на вахту рвались, как в отпуск, а авральные уборки встречали с энтузиазмом нищих, которые точно знают, что за каждую найденную пылинку им будет заплачено золотом.

– Сон – это святое. Солдат спит, а служба идет! – наставительно изрек капитан. – Привыкай, стажер!

Гурий испустил мученический вздох. За двадцать дней он так и не привык к такому странному распорядку.

– Но все-таки, – стоял он на своем, – необходимо проверить. А вдруг...

– А даже если ты и прав, то что мы предъявим этим людям, а? Летели себе пираты, никого не трогали – *никого*, заметь! – и тут на-те, здравствуйте, патруль! «Предъявите-ка документы и приготовьте личные вещи для досмотра! Оружие, наркотики, контрабанда есть? Нет? А если найдем?» Так предлагаешь поступить?

Юноша кивнул, догадываясь, что тут кроется какой-то подвох.

– Хорошо, мы так поступим. И допустим, даже что-то найдем... Я даже больше, чем уверен, что мы что-то найдем. Либо оружие, либо наркотики, либо контрабанду, либо все вместе. А дальше? Конвоируем их на ближайшую планету и сдаем с рук на руки местной полиции. Так? А они нас – пираты! – в суд за нарушение их прав. Ибо возить оружие *не запрещено!* Более того, в некоторых случаях торговые суда должны его иметь! А уж капитан *любого* судна обязан быть вооружен. Даже если его оружие наградное и большую часть времени валяется разряженным в сейфе. Это как ремень, чтобы поддерживать штаны.

– А наркотики и контрабанда... – пискнул подавленный аргументами Гурий.

– А кто тебе скажет, что это именно наркотики? То, что является наркотой на планете А, на планете Б – продукт питания, а на планете С – вообще техническое оборудование. По этой же причине любая наркота может стать всего-навсего ценным грузом, за который придется отвечать перед заказчиком и производителем. Ах, груз неправильно оформлен или вовсе без накладной? «Накладная была, гражданин начальник, но ее с самого начала оформили неправильно. И мы решили ее выбросить!» Такое бывает. «Накладная была, гражданин начальник, но ее съел наш корабельный кот!» – такое бывает гораздо чаще. А еще бывает, что не оформляют груз сомнительного качества – чтобы потом транспортнику не пришлось отвечать перед законом за перевозку черт знает, чего. Мол, мы не в курсе, что нам подбросили! Такое тоже бывает. Бывают даже нечистоплотные поставщики, которые нарочно подкидывают торговцам «пустышки». Девять из десяти, что там, за «завесой», обычный малый торговец, который ужасно боится опоздать к месту назначения... Тем более, что он уже уходит из зоны действия наших радаров! – добавил капитан как бы между прочим.

Гурий стремительно обернулся к экрану и испустил вздох разочарования. Капитан был прав. Пока они беседовали, неизвестный корабль спешил прочь со всех двигателей. Еще несколько минут – и он окончательно исчезнет из вида.

– Понимаю, – начальник сочувственно похлопал подчиненного по плечу. – Первый вылет. Первый самостоятельно обнаруженный корабль – и первая же неудача. Бывает.

– Но как же тогда? Как мы боремся с пиратами, если даже никого не проверяем?

– А вот так. Мы ждем, когда нам подадут сигнал бедствия. Или когда станем свидетелями нападения пиратов на мирное судно. Или когда заметим, что кто-то нарушает правила. Вот тогда и только тогда мы можем действовать.

Гурий снова посмотрел на экран. От неизвестного корабля осталась на нем только небольшая звездочка, а темно-серый силуэт неопределенных параметров пропал. Еще минута-другая, и пропадет и она. Юноша вздохнул и решительно переключил камеру на другой сектор.

Капитан «Краковяка» Никол Пшемыньски, возвращавшийся с Аукциона после завершения распродажи, так никогда и не узнал, что этот день мог бы стать последним днем в его карьере. Ибо даже капитану Крокусу хватило бы одного взгляда на его лицо, чтобы вспомнить регулярно присылаемые ориентировки: «Принять меры к задержанию этих субъектов...»

Его звали Рой. Ему было тридцать восемь лет. Он родился на планете Эльса, где прожил почти всю жизнь, но в данный момент был поселенцем Гудзона. Конечно, он сказал не так, но перегруженная информацией Надежда мигом забыла настоящее название планеты и впоследствии именовала ее только Гудзоном. Тем более что говорил Рой на наречии, которое отдаленно напоминало сильно искаженный английский язык. Существовала еще интерлингва, имперское наречие и еще несколько языков, распространенных в разных секторах Галактики. Основными и самыми крупными государствами людей были Великая Звездная Империя. Союз Двадцати Миров и Лига Свободных Планет. Последняя были достаточно аморфным образованием, ибо точное количество входивших в нее миров не было постоянным. Планеты то входили в Лигу, то выходили из нее, а порой и империя пыталась под шумок лишить кое-кого из них независимости. На интерлингве общались в основном с представителями других, сопредельных, стран, а также с ксеносами, как назывались негуманоидные расы. И, естественно, с рабынями. Кстати, планета Гудзон входила в Звездную Империю, поскольку открыло ее исследовательское судно имперской корпорации «Поиск». Рой жил там уже восемь лет. «Пять и три», – сказал он почему-то. Надежда не решилась переспрашивать. И без того голова гудела от обилия впечатлений и информации.

От торговой точки – первым делом они заглянули в супермаркет и купили для женщины обувь – до гостиницы добирались на флайере, низко летящем над городом. Кибер-водитель, робот, лишь отдаленно напоминавший человека, время от времени начинал вещать голосом экскурсовода: «Посмотрите налево – вы видите старое здание торгового центра...» – или что-то подобное. Надежда едва понимала одно слово из пяти. Но даже если бы кибер-водитель и говорил по-русски, она была настолько шокирована, что просто его не слушала.

Забыв про все на свете, даже про свою незавидную участь и обновку, женщина приникла к стеклу, не сводя глаз с раскинувшегося чуть ли не до горизонта мегаполиса. Когда-то она думала, что это Москва большой город? Помилуйте, она по сравнению с этим образованием казалась заброшенным райцентром. Они летели на высоте девятого этажа, иногда забирая чуть выше или чуть ниже, чтобы избежать столкновений с другими флаейрами, аэробусами и рекламными щитами, и хотя сам полет продолжался от силы десять минут, Надежда успела понять, что мегаполис простирается от горизонта до горизонта, и сейчас ей показали только малую часть.

– Что это? – невольно выдохнула она, когда флайер взмыл особенно высоко, огибая какую-то статую. Мужчина по-своему понял ее возглас.

– Аукцион, – пришел от него ответ.

– Аукцион? – переспросила она.

– Город. Мир. Планета. Слышала?

– Нет, – она помотала головой, но тут же осеклась, догадавшись, что в иных мирах жест отрицания может означать что угодно.

– Ты откуда? Какой мир?

– Э-э... Москва... М-м... Земля.

– Земля? – переспросил мужчина со странной интонацией.

– Земля.

Остаток пути они проехали в таком глубоком молчании, что Надежда снова почувствовала тревогу и страх за свое будущее.

Землянка! Ему досталась женщина со Старой Земли! Неужели это правда и такое возможно? Ведь землянки встречались крайне редко. Старая Земля считалась закрытой планетой. Ее запрещалось посещать иностранным туристам, да и сами земляне не спешили покидать родину. Остальные освоенные планеты Солнечной Системы – Марс, Венера, Плутон, некоторые спутники Юпитера и Сатурна, такие как Европа и Клио, а также полпред Земли, Луна –

входили в Союз Двадцати Миров. Но сама колыбель человечества – нет. И, тем не менее, она продолжала оставаться прародиной людей в самом прямом смысле слова, потому что у Земли были ее *женщины*. Самые плодovитые женщины Галактики. Самый ценный и редкий товар.

Но тогда выходит, что он купил не просто рабыню, а контрабандный товар. И он достался ему удивительно дешево. Работоторговцы явно спешили поскорее отделаться от груза. Почему? Может быть, их преследовала служба галактической полиции? Вероятно. Но тогда полиция может начать охоту и за ним. Вычислят, конфискуют землянку, а его самого, чего доброго, привлекут как пособника. Учитывая его прошлую судимость, не миновать нового срока. И наплевать, что он свободный гражданин Гудзона со всеми правами и обязанностями! Гудзон-то входит в состав империи, а у нее свои законы.

– Молчать, – приказал он, когда флайер пошел на посадку перед гостиницей. – Тихо. Не слушай ничего, никому не отвечай. Как глухонемая. Понятно?

– За...п-п...

Надежда осеклась в прямом смысле слова – крепкая мужская ладонь запечатала ей рот. Флайер завис возле площадки для наземного транспорта, распахнулись дверцы. Рядом принимал на борт пассажиров другой такой же летучий кораблик, третий заходил на посадку на соседнюю площадку, откуда махали руками. Женщину вытолкнули из салона. Пока она ози-ралась по сторонам, мужчина расплатился, схватил ее за запястье и потащил ко входу. Не дав осмотреться на этаже, впихнул в лифт и также чуть ли не бегом добрался до своего номера.

Тот был одноместный, и первое, что бросилось Надежде в глаза, была кровать. А еще – что за окном сгушались сумерки. Небо – судя по всему, они находились этаже на тридцатом – уже засинело, огни большого города стали ярче. Из окна можно было в полной мере оценить размеры мегаполиса, но ей сейчас было не до этого. Мысли текли в одном направлении. Вечер. Одноместный номер. Кровать. Она наедине с человеком, который полчаса назад купил ее, как вещь. Он очень спешил, запер дверь и оттолкнул ее подальше от окна. К кровати. Вот сейчас схватит, опрокинет на постель, навалится и...

Изнасилует? Нет, вряд ли. Для насильника он что-то больно медлителен. Прислушивается к голосам в коридоре, косится на окно. Неужели боится, что его жертва способна покончить с собой, прыгнув с подоконника?

А потом мужчина посмотрел на женщину, и та поняла, что насилие откладывается.

– Молчи, – сказал он. – Никому не говори, что ты с Земли.

– Почему?

– Нельзя. Опасно.

– Понимаю, – Надежда припомнила все, что с нею случилось. – Меня... нас похитили... пираты... работоторговцы.

Рой кивнул. Для жительницы изолированного мира она удивительно быстро все схватывает. Но так и должно быть – ведь земляне же не дикари. По традиции Союзом Двадцати Миров всегда управляет выходец с Земли. Как происходят выборы, Рой не знал.

– Значит, меня ищут?

Рой кивнул, злясь на себя. Ситуация выходила из-под контроля. С обычной рабыней, захваченной теми же пиратами на круизном лайнере или обманом вывезенной из какой-нибудь дикой планеты, он бы так себя не вел. И она вела бы себя по-другому. Дрожала от страха, билась в истерике, угрожала судом – мол, как только у меня на родине узнают, где я, кое-кому не поздоровится. А эта... молчит, обдумывает что-то. И спокойна. Слишком спокойна.

– Завтра отлет, – сказал он. – Посадочный жетон уже есть. Грузовой тоже.

– Грузовой?

Помедлив, она кивнула. Грузовой. Ну да, конечно. Она ведь вещь, принадлежащая этому человеку. Вещи по традиции сдают в багаж. Только вот как бы ему намекнуть, что такие хрупкие вещи, как человеческий организм, нуждаются в пище, воде и...м-м... остальном?

Послышался переливчатый звон, после чего механический голос сообщил, что к ним посетитель.

– Молчи, – последний раз повторил Рой и открыл дверь.

За порогом обнаружился незнакомец средних лет, с острыми, какими-то чужими, иномирными чертами лица, одетый в обтягивающую форму, которая весьма выгодно подчеркивала его торс. Зато ниже пояса все было довольно мешковатым, напоминая шаровары запорожских казаков. В складках его, мягко говоря, штанов можно было при желании спрятать не только автомат и казацкую шашку, но и лишнюю пару конечностей.

– Явился! – воскликнул он, проходя в комнату Роя. – А я думал, успеешь или не успеешь! Знаешь, что регистрация начинается в семь утра? И на место надо прибыть не позднее, чем за два часа до старта, чтобы погрузиться на челнок и упаковать груз... Я тебя знаю. Тебя всему надо учить и контролировать. Кстати... О, – не обращая внимания на выражение лица хозяина номера, гость шагнул к Надежде, заулыбался как-то по-другому. – Все-таки купил! Небось, бракованная? С рук брал или...

– Я взял, – буркнул Рой.

– Что? Сертификат о прививках? Так его подделать – раз плюнуть. Это и я могу тебе на местном ноуте склепать за полчаса... А паспорт? А разрешение на вывоз товара? А накладные? На свои запчасти и комбикорм, небось, все оформил, а про это забыл?

Рой молчал, глядя исподлобья. Надежда молчала тоже, посматривая на этих двоих. Гость ей чем-то не нравился. Нет, не лицом – оно не было некрасивым, оно было просто чужим – и тем более не манерами. Но Рой в его присутствии как-то стушевался, ссутулился и на глазах преобразился в тупого громилу – или необразованного мужлана. Местное начальство? Похоже на то. Ее бывший начальник цеха иногда вел себя также с ее подчиненными, порой нарочно не обращая внимания на нее, мастера участка.

– Я... взял. Все взял, – ответил Рой.

– Уверен? И с таможеней все уладил?

Не уладил, – поняла Надежда по тому, как напряглись скулы Роя. Заметил это и его собеседник.

– Что? Неужели не выправил ей право на выезд? Рой, ты как будто вчера родился! Эх, придется мне за тебя хлопотать! Твое счастье, что у меня есть необходимые полномочия...

– Спасибо. Я это... ну... не знаю, как вас...

– Благодарить? – посетитель подмигнул. – Чего проще! Уступи ее на часок. Она у тебя красивая...

Взгляд, которым он окинул Надежду, досказал остальное. Женщина замерла. Неужели согласится?

– Это... ну я... того, – Рой смотрел в пол, чем-то неуловимо напоминая гастарбайтера из сельской глубинки, приехавшего в город на заработки и первый раз столкнувшегося со столличными порядками. – Не могу. Вот.

– Почему? Она же...

– Она не моя.

Надежда невольно прикусила губу. Она ждала всего, но только не этого. Выходит, Рой не ее хозяин? Он просто закупщик, поставщик товара... для кого?

– Ишь ты, частный собственник! Забыл, что я мог бы сделать?

– Нет. Знаю, но это... у меня вот есть... здесь...

Рой крутанул приборчик на запястье, что-то там нажал – и в воздухе перед лицом гостя развернулся экранчик с какими-то знаками и символами. Мужчина присвистнул:

– Ну, ты и ловок... Только смотри у меня! Вернемся домой...

Не договорив, направился к дверям и уже с порога, как ни в чем не бывало, бросил:

– Откуда она хоть взялась?

– Вангея, – буркнул Рой.

– А, – гость покивал головой с таким видом, словно это все объясняло. – Ну, до завтра. Завтра уезжаем в пять утра, не забудь и не проспй!

Суэта сборов и предполетной подготовки мало запомнились Надежде. Все хлопоты взял на себя Рой. От нее требовалось только одно – повиноваться. Ничего не говорить, ничего не предпринимать, а лишь делать то, что велят: «Иди сюда. Стой тут! Садись здесь! Жди!»

«Он обращается со мной, как с собакой!» – думала женщина, стоя у грузового отсека челнока, который должен был доставить пассажиров на борт огромного трансгалактического лайнера. Сегодня с Аукциона – как выяснилось, это было название планеты – на нем улетало всего несколько человек, так что сам лайнер не собирался тратить время на приземление и старт. Груз и людей собирался доставить на него орбитальный челнок, очень похожий на стандартные ракеты, с которых на Земле начиналась космическая эра. Разве что топливные отсеки занимали намного меньше места. Но стапеля, обтекаемая форма, круглые иллюминаторы, трап – все это так напоминало Надежде кадры из фильмов про Юрия Гагарина и других советских космонавтов, что в другой ситуации она бы задержалась на верхней ступеньке и помахала рукой остававшемуся внизу обслуживающему персоналу: «Поехали!». Но она была *личным имуществом*, и электронный поводок с неумолимой силой потянул ее к глубокому креслу, где женщина почти утонула. Сквозь ткань она почувствовала, как ее со всех сторон сжали захваты. Надежда вздрогнула, невольно рванулась прочь, а когда поперек груди и живота ее автоматически захлестнул страховочный ремень, запаниковала.

– Сиди, – Рой уже устроился рядом в точно таком же кресле, дождался, когда такой же ремень опояшет его самого. – Тихо. Так надо.

Надежда кивнула. Что ж, надо так надо.

Кресел в пассажирском салоне челнока было всего около дюжины – для взрослых – и еще четыре для детей и, видимо, инопланетян, поскольку креслами эти сооружения назвать было сложно. Из них занятыми оказались всего девять взрослых и два детских, причем во второе с трудом втиснулся подросток на вид лет двенадцати. Кресло было ему мало, и он скрипел зубами, пытаясь устроиться поудобнее.

Сидевшая рядом с Надеждой женщина попыталась наладить контакт.

– Вы боитесь летать? Почему в таком случае не попросили стюардессу о сеансе гипносна? Давайте я вам закажу! – она откинула на подлокотнике крышку, обнажив ряд кнопок и рычажков, нащупала один.

– Нет, – первым поспел Рой. – Нельзя.

– Но почему вы вмешиваетесь? – ошетичилась женщина. – По какому праву этот мужчина позволяет себе вмешиваться в наши женские разговоры? – она подмигнула Надежде. – Что он понимает?

– Все, – опять вклинился Рой.

– Я вызову сюда капитана, – решительно заявила женщина. – Пусть нас переведут в другой салон, для женщин! Здесь нельзя находиться!

– Можно...

– Это дискриминация! – завелась пассажирка и все-таки набрала код вызова. – Я требую соблюдения наших прав! Мы, женщины, обязаны получить защиту от происков этих...этих...

Она не успела развить свою мысль – к пассажирам вышла киборг-стюардесса. Что она не человек, Надежда догадалась, лишь услышав ее мелодичный голос и взглянув в глаза, слишком спокойные для разумного существа.

– Мы рады приветствовать уважаемых пассажиров на борту челнока, приписанного к лайнеру «Звездная Пыль» компании «Гала-Транзит», – пропела она. – Пожалуйста, оставай-

тесь на своих местах. Старт через три минуты и двадцать секунд. Расчетное время полета – четыре часа восемнадцать минут. Просьба...

– У меня просьба! – перебила ее пассажирка. – Я настоятельно прошу... нет, требую, чтобы нас – меня и моих друзей, – кивнула она на Надежду и еще одну женщину, которая настолько ушла в заботу о детях, что не обращала на спор внимания, – оградили от домогательств мужчин.

– Домогательства какого плана вам пришлось испытать? Сексуального, интеллектуального, физического или какого иного характера? – тут же откликнулась стюардесса. – Вы вправе подать официальную жалобу второму помощнику капитана сразу по прибытии на борт...

– Я не желаю ждать четыре часа! Я желаю лететь *без* мужчин. Особенно без вот этого, – последовал обвиняющий жест в сторону Роя. Тот сидел, не шелохнувшись. На его лице не было заметно ни тени чувств. Надежда с беспокойством переводила взгляд с одного лица на другое. Она также заметила, что его вчерашний гость, представленный как майор Гравер, слегка посмеивается, наслаждаясь ситуацией. Но что предпринять ей самой? И надо ли вмешиваться?

– К сожалению, конструкция челнока не позволяет устроить отдельно мужской и отдельно женский салон, – пропела стюардесса все так же мелодично, но с заметным сожалением в голосе. – У нас есть салон для гуманоидов и два салона для негуманоидных рас, а также грузовой отсек... Но вы можете успеть пересесть на другую половину салона и включить звукоизоляцию...

Она указала на несколько пустых кресел.

– Отлично! – скандалистка проворно отключила крепления и поспешила выбраться из недр своего кресла, приветливо махнув Надежде: – Идемте...

И добавила несколько слов, с которыми транслятор не справился, выдав лишь несколько невнятных звуков. Хотя благодаря ему землянка понимала почти все, ей требовалось время, чтобы мысленно «прочитать» сказанное. И, пока она вникала в значение перевода, ее замешательство было понято превратно.

– Вы его боитесь? – напряглась ее соседка. – *Мужчину?* Он вас запугивает? Милая моя, закон на вашей стороне...

– Нет.

Это опять сказал Рой.

– Что? – женщина оторопела. – Вы собираетесь со мной спорить? Знаете, у меня совершенно нет времени на юридические вопросы, тем более что старт с минуты на минуту. Мы просто пересядем от вас, а уже на борту...

– Нет. Она не пересядет.

– Прошу пассажиров занять свои места, – вклинилась стюардесса. – До старта челнока осталось семьдесят секунд.

– Слышите? – пассажирка торжествовала. – Вам стоит замолчать и...

– Сказано – она останется на месте! Рядом! – голос Роя дрогнул, и Надежда испугалась невесть с чего. Вроде не ей угрожали, но...

– Дикарь! Я подам на вас в суд! Зафиксируйте, – это относилось к стюардессе, – что я подверглась оскорблению со стороны выходца с планеты... Какая там у вас планета?

– Гудзон. Колония 16-А, сектор... – Рой покосился на своего спутника.

– Майор Гравер, – представился тот. – Начальник форта 16 сектора 2-бис-север. Все ваши жалобы можете направить ко мне, и они будут рассмотрены по инстанции согласно действующему законодательству Великой Звездной Империи.

– Я запомню, – холодно кивнула женщина. – Запомните и вы меня. Я – свободная гражданка планеты Миссанрея. Глава торговой фирмы «Магия и мы». Меня зовут гражданка Аренья А-она Четвертая.

– Я тоже запомню.

– А сейчас извольте занять свое место, – прошептала стюардесса. – Старт через тридцать секунд.

– Я пересяду, – гражданка Арения кивнула с гордым видом победительницы, – но не раньше, чем эта женщина отсядет от него.

– Не имеет права.

– Что? – миссанрейка вытаращила глаза. – Почему?

Вместо ответа Рой высвободил руку Надежды из недр амортизационного кресла и поднял, демонстрируя браслет на запястье. После чего показал свой такой же.

– Ра... ра... – гражданка Арения пошла пятнами. Почему-то зелеными.

– Извольте занять свое место, – как ни в чем не бывало, перебила ее стюардесса, – старт через десять секунд.

Миссанрейка развернулась, чеканя шаг, прошествовала к самому дальнему креслу и рухнула в него буквально за пару секунд до того, как в салоне погас свет.

Надежда испугалась. Почему-то сразу всплыли в памяти все упоминания о катастрофах самолетов. «Мы падаем? Но... ведь еще не взлетели! Что...»

– Тихо. Так надо.

Что действовало больше – спокойный мужской шепот или крепкая рука, все еще сжимавшая ее запястье, неизвестно. Но Надежда внезапно успокоилась. Челнок мягко содрогнулся – так и хотелось сказать «встряхнулся» – а потом появился и стал усиливаться свет. Одновременно с этим пришла тяжесть, вдавившая женщину в кресло. Сработали амортизаторы, и она словно утонула в чем-то мягком, теплом и упругом. Словно огромный пузырь окутал ее с головой. Единственное, что оказалось за пределами этого «пузыря», была ее рука, которую по-прежнему крепко и властно сжимали мужские пальцы.

Сам перелет Надежда, как ни странно, почти не запомнила. Рой просто-напросто запретил ей покидать каюту. И сделал он это простым способом – поколдовал что-то с браслетами, и вот уже автоматика перестала реагировать на женщину, стоило ей подойти к дверям. Автоматические, на фотоэлементах, они перестали воспринимать землянку как живое существо. Роя выпускали-впускали беспрепятственно, а ее – лишь когда захочет мужчина. Как про хозяина, про него не думалось – он же сказал как-то раз, что купил ее не для себя. А жаль. Не то, чтобы Надежде он понравился, просто она оказалась в чужом мире совсем одна, а Рой... к этому человеку она вроде как привыкла. Привыкать к новому владельцу? Каким он будет?

Нет, она не сидела все дни взаперти, как собачка на привязи. Время от времени Рой выводил ее «поразматься». Но при этом мужчина отнюдь не спешил устраивать ей экскурсии по лайнеру. Они время от времени прогуливались по средней палубе, задерживаясь перед обзорными экранами и рассматривая космос. Несколько раз задерживались в общей столовой – как Надежда поняла, для того, чтобы она могла посмотреть на других людей.

Судя по размерам и дизайну, это был ресторан, демократично разделенный прозрачными перегородками на несколько зон, где мебель отличалась внешним видом и цветом, а также способом обслуживания. Где-то вдоль столиков медленно двигалась лента раздатчика, с которой каждый мог снимать то блюдо, которое ему приглянулось. Где-то заказы делались через электронное табло, а где-то пассажиров обслуживали киборги-официанты. Поскольку Рой сразу направился к транспортеру и, взяв наугад две тарелки, выбрал столик в уголке, Надежда поняла, что они путешествуют отнюдь не первым классом.

Любопытство заставило ее обратить внимание на соседний зал, где публика, судя по всему, была побогаче. Там играла музыка, на встроенных в стены экранах что-то показывали... Среди посетителей, кстати, была и эта скандальная миссанрейка. Арения А-она Четвертая сердито покосилась от своего столика в их сторону, скривилась и отвернулась так демонстративно,

что любому было ясно – ее до глубины души оскорбляет сам факт существования Надежды и ее спутника. И еще неизвестно, кто возмущает больше.

Но потом она подозвала киборга-стюарда, быстро отдала ему какой-то приказ, и несколько минут спустя к ее столику подошел офицер. Миссанрейка указала ему на свободный стул и, подавшись вперед, быстро-быстро что-то заговорила. Надежда, которая как раз в это время отвлеклась от своего заказа – блюдо значилось, как овощное рагу, пахло овощами, но вот на вкус и внешний вид не имело с ними ничего общего – и заметила, как офицер бросил в их сторону пристальный взгляд.

– Вставай, – пришел приказ от Роя. Мужчина быстро отодвинул недоеденное блюдо – вернее, уже чистую тарелку, и когда только успел! – Пошли.

– Но я... – Надежда быстро схватила прибор, напоминающий ложку. – Я хочу есть...

– Там поешь. Вставай!

Он поднял руку с браслетом, и женщина почувствовала, как ее запястье пронзила острая боль, а по всему телу прошла волна жара. В глазах потемнело, сознание стало куда-то уплывать. Она сделала отчаянный рывок, выпрямилась, и неприятные ощущения схлынули. В молчании Надежда последовала за Роем.

В каюте он перво-наперво заказал обед и кивнул женщине:

– Ешь. Здесь.

– А, – она осторожно взяла поднос, придирчиво рассматривая ярко-желтую массу и рядом кусочки чего-то, что можно принять за мясо, – как же... там?

– Туда мы больше не пойдем. Совсем, – он стоял у дверей, прислушиваясь к чему-то снаружи. Попискивала какая-то автоматика. Потом за стеной что-то зашипело, заурчало, послышалось мерное гудение и пощелкивание.

– Почему?

В какой-то миг ей показалось, что Рой сейчас рассердится. У него стало такое лицо... Но в следующий миг мужчина взял себя в руки и коротко выговаривая слова, произнес:

– Ты рабыня. Не всем нравится. Могут быть неприятности.

– Рабство запрещено законом? – осмелилась она высказаться.

– Почти. Официально. Неофициально – нет. Процветает до сих пор...

– Ага. В моем мире многие работники бюджетной сферы вполне могут считать себя рабами – обязанностей много, а прав никаких... кроме права либо продолжать жить, как жили, либо уволиться...

Гузdoneц как-то странно хмыкнул.

– Извините, – Надежда опустила взгляд. – Я не должна была... Я...

Она смешалась, не зная, что делать и как себя вести. До этого часа Рой обращался с нею как с бесполом существом. То есть, ночью не стал приставать, велел спать на кушетке, завернувшись в плед, как бедной родственнице. И кроме приказов: «Стой! Молчи! Иди! Садись!» – ничем не напоминал о ее подневольном статусе. Не накричал, не ударил, не унизил. Разве что этот браслет...

– Я не понимаю ничего, – рискнула она, ободренная его молчанием. – Этот мир... он для меня чужой. Новый. Я... не знаю.

Она действительно не знала многого. Даже язык, несмотря на транслятор, и тот был пока чужим. Голосовые связки перестраивались с трудом. Она понимала почти все, кроме самых редких слов, а вот сама могла пока произносить только самые короткие фразы. И изо всех сил старалась начинать уже говорить на чужом языке. «Я не знаю» – она произнесла уже не по-русски.

– Рабство, – ее собеседник, судя по всему, тоже испытывал трудности общения, что было заметно по его интонациям, – бывает разным. Есть государственные рабы. Есть част-

ные. Есть... киборги и экзоты. Там свои законы. Есть нелегалы. Государственные – это... когда человек работает там и так, как этого желает государство. Оно...

– Понимаю, – кивнула Надежда.

– Нет. Это... тяжелое производство. Когда есть риск... посылают тех, кого не жалко. Заключение. Каторжников. Осваивать новые миры. Обычно на пять лет. Посылают не всех, а только таких, кого... ну, кого можно. На новых планетах жизнь трудная. Сложная. Неустроенная. Люди редко едут по доброй воле, а каторжники... они...

– Рабы. Их никто не спрашивает?

– Да. Когда так делает государство, это можно. Это легально. А когда так поступает частное лицо, это...

– Нелегально?

– Да. Такое запрещено.

– Совсем как у нас, – Надежда помешала пюре, проглотила ложку. – Только государство имеет право грабить народ, народу друг друга грабить нельзя... А я? Я запрещена, да?

Внутри шевельнулся червячок сомнения и страха. А что, если она, в таком случае, может рассчитывать на помощь и сочувствие? Что, если Аренья А-она Четвертая с планеты Миссанрея может ее спасти и вернуть на Землю? Ее конфискуют, освободят и... не этого ли опасался Рой, когда увел ее из столовой? Вернуться домой, забыть все это, как страшный сон...

«Если выберусь отсюда, больше никогда не стану знакомиться в барах. И вообще в бар ходить не буду. Даже с друзьями!» – подумала она.

– Нет. Ты – частная. Тебя можно, – вернул ее с небес на землю голос Роя. – Ты одна. Для личных нужд. Для работы нельзя.

– Тогда почему...

– Ты с Земли. Это запрещено. Забудь Землю. Спросят – ты с Вангеи. Захвачена при нападении на круизный лайнер. Поняла?

– Запрещено продавать землянок?

– Да. Земля – закрытый мир. Оттуда нельзя продавать ничего. Но продают.

– Воруют...

– Да.

– Почему?

– Вы – лучшие. Нам повезло.

Рой сказал это таким тоном, что Надежда изумилась и впервые за долгое время ощутила что-то вроде гордости за себя и свою планету.

– Это чем же?

– Тем, что ты женщина с Земли. Ты... удачное приобретение.

Ну вот, взял и все испортил! Сказал бы, что она красивая, умная или что-нибудь в этом роде... Дескать, фирменный товар, качество гарантировано... Только в чем? Что у нее, землянки, есть такое, что выгодно отличает ее от остальных женщин? С той же Вангеи или Миссанреи, например? Или с Гудзона.

Кстати...

– А как там на Гудзоне... ну... с женщинами?

Рой скривился, и лишь по изменившейся интонации она поняла, что ее спутник силится подавить смех:

– Никак. Это не твоя проблема. Ешь.

Пюре, несмотря на кислотный цвет, оказалось вкусным, а вот мясо явно синтетическим. То есть, мясного в нем было только название. А так ясно, что соя даже рядом не лежала с контейнером, где синтезировали этот «бифштекс из нежного кролика».

Тем не менее, Надежда мужественно одолела то и другое, понимая, что ничего другого ей предложить все равно не смогут. И, запивая вставшую колом в горле «бифштексятину», рискнула снова задать вопрос:

– А эта... Миссанрея... она...

– Там матриархат. По их законам женщина все вопросы решает сама. Даже – стоит ли ей выглядеть, как женщине или нет. Тем, что не протестуешь, ты оскорбляешь чувства миссанрейки.

– А... ты?

Рой никак не объяснил, как ей стоило обращаться к своему временному владельцу – по имени, или есть какой-то титул. Хорошо еще, что ей на помощь пришел транслятор. Она сказала «ты», а приборчик выдал нужное слово. Но все равно, спрашивая. Надежда боялась совершить ошибку.

– Я? – он опять прислушался к звукам снаружи. – Меня по их законам надо кастрировать и пожизненно приговорить к каторжным работам. Где-нибудь в детском саду. У меня был знакомый миссанреец. Сбежал от своей жены. Когда она его нашла, попытался покончить с собой.

– От страха?

Рой кивнул.

– Понятно, – Надежда даже посочувствовала незнакомому мужику. Надо же! Бывает и такое. Она покосилась на своего спутника. Если не считать того, как напряженно он чего-то ждал, видно было, что мужчина спокоен и даже доволен жизнью. Такого вряд ли представишь выполняющим прихоти избалованной миссанрейки.

Кстати...

– Я...хотела узнать...

Он выразительно шевельнул бровями, и Надежда смешалась.

– Я задаю слишком много вопросов, да? Мне замолчать?

– Нет. Все нормально. Я уже был женат. Сиди здесь!

Нажал на какую-то кнопку на своем браслете и выскользнул за дверь, оставив Надежду размышлять над его последними словами.

Остаток полета прошел тихо и скучно. Надежда маялась в четырех стенах – Рой лишь иногда ненадолго «выгуливал» ее по нижней палубе. Между прогулками мужчина либо сидел в каюте, глядя на экран местного аналога телевизора, либо бродил по кораблю в одиночестве. При этом женщина чувствовала себя просто собачкой, которую заперли в квартире и бросили на весь день. Соскучившись смотреть телевизор – заняться было больше решительно нечем! – она доходила до того, что радовалась возвращению Роя и еле сдерживалась, чтобы при встрече не кинуться ему на шею. Останавливала ее лишь двусмысленность ее положения – кому и зачем ее везут? Если Рой – лишь сопровождающее лицо, и потом просто сдаст ее с рук на руки настоящему хозяину, не имеет смысла привязываться. А если нет? Если он купил женщину чисто для себя, то все становится еще интереснее. На Гудзоне что, настолько все плохо с противоположным полом, что приходится отправляться за женами аж на другой конец Галактики? И что за практика покупки спутника жизни? Она пробовала задавать эти вопросы, но Рой почему-то отмалчивался или коротко бросал: «Сама увидишь!»

По счастью, полет длился недолго. Всего шесть суток Надежда провела взаперти. На седьмой день Рой опять куда-то сходил, но вернулся удивительно быстро – женщина не успела даже решить, так ли ей охота опять включать телевизор. Остановился в дверях, коротко бросил:

– Готовься. Вечером прилетаем.

Они опять уселись в знакомые кресла челнока. Только сейчас их было всего пятеро – Рой с Надеждой, майор Гравер и еще двое мужчин в форме. Эти двое так пристально пялились на женщину, что она невольно попыталась спрятаться за своего спутника. Они не просто разде-

вали, они мысленно прямо-таки облапали ее взглядами. А майор Гравер еще и подмигивал, мол, оцени красавцев! Только Рой оставался холоден и невозмутим, как памятник самому себе.

– Эй ты! – военные приняли его сдержанность за робость. – Где такую взял? Не слишком ли много для тебя одного?

– Нет, – коротко бросил Рой, избегая их взглядов.

– Ишь, ты! Сильный, да? Думаешь, справишься?

– Да.

– Ого! – военные переглянулись. – Вот это да! А если мы проверить решим?

«Они его провоцируют», – сообразила Надежда. Ей стало жутко. Двое на одного... может быть, даже трое – вон майор молчит, не вмешивается. То ли одобряет действия этой парочки, то ли колеблется, чью сторону принять.

Женщина задумалась. Ей хотелось вмешаться – не робот же она, в конце концов! – но ее останавливало плохое знание языка и собственный статус. Вдруг на Гудзоне рабыням нельзя вообще разговаривать со свободными? Надо было выяснить заранее. А теперь...

– Гордый, – тем временем констатировал один из военных. – Разговаривать не хочет.

– Или все слова, которые он знал, уже закончились! – со смехом предположил второй.

Майор Гравер при этом замечании как-то странно улыбнулся. И это решило дело. Пасса-жирский челнок, отстыковавшись от борта лайнера, уходил в атмосферу планеты. До приземления оставалось еще часа два, и не было сомнений, что, если не изменить соотношение сил, сразу после того, как покинут челнок, военные бросятся выяснять отношения.

Надежда развернулась, уставившись на военных. Это не осталось незамеченным.

– Что, нравимся? – подмигнул один из военных, развязный, с красновато-оранжевой кожей и крупным острым носом.

– Нет, – отрезала женщина и, покопавшись в памяти, выдала: – Я не люблю маленьких детей.

– А, – военный подавился воздухом. – Чего?

– Что слышал, мальчик. Тебе двадцать лет-то хоть есть?

– Мне двадцать три! А ты...

– А ты сначала подрасти, а потом уже угрожай.

Жесткие пальцы стиснули ее запястье с такой силой, что Надежда вскрикнула. С такой хваткой Рою никакие сторожевые браслеты не нужны. Разок нажал посильнее – и ты уже наполовину инвалид. Намек, впрочем, она поняла и замолчала. Но послала парням через плечо презрительный взгляд – мол, связываться с вами, сосунки, неохота. У нее на заводе такие тоже попадались. Чаще всего эта молодежь, столкнувшись с первыми же трудностями, пасовала и бежала увольняться.

Окончание полета она встретила со смешанным чувством тревоги и облегчения. Пока добирались до Гудзона, она была чем-то вроде живого груза, который надо было доставить по назначению. Сейчас ей предстоит встреча со своим настоящим хозяином, столкновение с реальностью, начало новой жизни...

В памяти еще живо было воспоминание о мегаполисе Аукциона и огромном космопорте, который она видела мельком, но сумела оценить размеры. Конечно, Надежда знала, что все планеты отличаются одна от другой, но чтобы настолько...

Унылое бетонное покрытие размером с четыре футбольных поля.

По углам – башенки, которые могли бы на Земле носить название водонапорных. Левее, чуть в стороне от бетонного поля, несколько мрачных одинаковых зданий... То есть, не совсем здания, а какие-то темно-серого с пятнами камуфляжа коробки без окон и дверей. Зато с правой стороны им навстречу распахнулись двери двух вполне себе современных зданий. То есть, современных для Надежды, а здесь, в космическую эру, это был, наверное, позапрошлый век.

Бригада грузчиков уложила несколько ящиков и контейнеров на платформу и покатила к проходу между зданиями. Здесь пути приезжих разошлись. Майор Гравер шагнул в одни двери, военные, слава богу, – в другие, а Рой усадил Надежду на платформу, буркнул: «Ждать!» – и нырнул в третьи. Тем временем платформа, явно повинаясь заданной программе, проскользнула между зданиями и выехала на площадку, которая очень напоминала Надежде нечто среднее между стоянкой такси и байкерской тусовкой. Кругом стояли квадроциклы, какие-то машины незнакомого вида и платформы, подобные той, на которой сидела она. Тут было полно народа – сплошь мужчины тридцати лет и старше, одетые пестро и грубо, словно снимались в фантастическом фильме про последствия Апокалипсиса. Хотя фантастическими их наряды были только для нее, чужачки. Все эти люди то приходили и садились за руль машин, то просто топтались поблизости, косясь по сторонам с таким видом: «Как же вы все меня бесите!»

К платформе тут же проявили повышенный интерес. Вернее, не к самой платформе, а к Надежде. Ее окружили со всех сторон. Люди с разным цветом кожи – белые, желтые, серо-розовые, бронзовые с прозеленью, даже зеленые! – но с одинаково горящими глазами таращились на женщину Земли, как на невиданную зверушку. И в их глазах было... Надежда очень надеялась, что это была не похоть. Она отодвинулась подальше от края сидения, плотнее запахнулась в накидку, выданную еще в торговом центре. Хоть какая-то защита...

Пока она озиралась и ломала голову, как поступить, если вдруг ее начнут стаскивать с платформы и раздевать, явился Рой. Надежда ощутила его появление по слабому покалыванию запястья, которое начало немилосердно чесаться, и невольно обрадовалась. Еще бы минута и...

Его появление заставило любопытных отступить, но недалеко. Люди попятились с осторожностью, бросая на мужчину неприязненные взгляды. Словно бросая всей толпе вызов, он медленно, не напоказ, приподнял руку, тряхнув управляющим браслетом. Это решило дело.

– Насмотрелась? Едем.

Не глядя на толпу, Рой проверил состояние груза и, вскочив на платформу, повернул до упора один из многочисленных рычагов.

Платформа дрогнула, чуть приподнялась над землей и бочком стала выбираться на дорогу.

– Испугалась?

Надежда вздрогнула, услышав спокойный голос.

– Д-да, – призналась. – Они так на меня смотрели... Почему?

– Ты женщина.

Не прибавив больше ни слова, Рой вывернул еще один рычаг, сворачивая куда-то в чистое поле и оставляя в стороне несколько типовых «коробок», которые явно и составляли весь город. Контраст между Аукционом и этим поселением был до того разителен, что у женщины не нашлось слов, чтобы скрыть свое разочарование. Платформа повернула, и он скрылся за небольшим холмом, поросшим колючками. Впереди вставала стена густой растительности.

– А, – не выдержала Надежда, – разве мы не в город?

– Нет.

– А куда?

– Форт 16. Колония А-16, сектор 2-бис-север.

Через минуту их догнал майор Гравер на какой-то легкой машинке, сильно напоминавшей квадроцикл, только на гусеничном ходу.

– Куда спешим? Не хотим подождать свое начальство?

– Успеем.

– Разговорчив стал! Или это близость внешнего мира так подействовала? Смотри у меня, Рой Линк. Будешь спорить, напомню, кто ты есть...

– Поселенец. Свободный.

– Это временно.

– Не докажете.

– На что готов поспорить, что докажу? Связываться просто неохота. Да и твоя бригада одна из лучших. Но ведь незаменимых у нас нет. Не так ли?

Надежда сидела, ни жива ни мертва. Тут была какая-то тайна. Майор Гравер... неизвестно, как сложится ее судьба, но в любом случае от этого человека стоит держаться подальше.

Рой оставил последние слова майора без ответа, и тот, ухмыльнувшись и подмигнув Надежде – мол, сочувствую, но помочь не могу! – слегка прибавил ход, обгоняя платформу. Она, правда, сама еле тащилась, чиркая днищем по земле.

Дорога – или, вернее, то место, по которому они ехали, – шла через лес. Густой подлесок, могучие стволы, возносящиеся кроны ввышину. Ветви протягивались через дорогу, порой образуя настоящие арки и воздушные мосты. С некоторых свешивались лианы, странные «бороды» местных лишайников и целые гирлянды не то поздних цветов, не то ранних плодов. Время от времени в ветвях мелькали птицы или какие-то существа, очень на них похожие. Сквозь надсадное гудение платформы порой слышались звуки леса – писк, скрежет, бормотание, какие-то визгливые вопли. Интересно тут у них птицы песенки поют. Или сейчас не сезон и кричат другие существа?

Кроме дороги, других признаков человеческого жилья не было, и Надежда почувствовала тревогу. Куда ее везут?

– Далеко еще? – набравшись смелости, поинтересовалась она.

– Нет.

Надежда обернулась. Лес окружал ее со всех сторон. По ее расчетам, они проехали не меньше тридцать километров. Что за дикая местность?

Однако Рой не соврал. Еще минута-другая, и густая растительность отступила. Сперва исчезли многочисленные кустарники, потом молодые деревца, а потом платформа внезапно выехала на каменистый берег реки, которая пересекала неглубокую долину. Леса отступали от нее, а к излучине прилепился форт. У Надежды невольно отвисла челюсть. Сложенная из камня крепость до того напоминала ей старинные здания родной Земли, что она невольно ущипнула себя – не сон ли все это? Но – увы! – кругом была реальность.

Дома стояли тремя полукружьями, прижимаясь к берегу реки. Два внутренних полукольца состояли из бетонных зданий, явно выстроенных по инопланетным технологиям. Но два внешних уже были построены из местного материала – обработанных камней и дерева. Имелась ограда, к которой примыкали низкие склады и гаражи. У самого берега можно было увидеть нечто вроде плаца, одним краем обрывавшегося в реку.

Однако рассмотреть как следует поселение Надежде не удалось – не останавливаясь, Рой проскочил мимо. Платформу несколько раз основательно потрянуло, когда она скатилась с дороги на целину. Они покатали вдоль берега реки, виляя из стороны в сторону. Чтобы не свалиться при очередном толчке, женщина ухватила за край сидения. Вернее, за выступы, которые явно были устроены для этой цели.

– А мы разве не...

– Нет, – Рой непрерывно крутил рычаги, заставляя машину двигаться неровным зигзагом, объезжая валуны, купы низкорослого кустарника и молодые деревца. – Это форт. Мы в колонии.

– 16-А? – вспомнила она.

– Да.

– А до нее далеко?

– Нет. Сиди тихо.

Мог бы и не говорить! Тут порой так трясло, что Надежда всерьез боялась прикусить во время разговора язык. Впрочем, она волновалась и нервничала так, что все равно не смогла бы внятно сформулировать больше ни одного вопроса. Что это за колония? Кто там живет? Чем

она так будет заниматься? Дикая природа вокруг наводила на мысль о том, что про гарем сладострастного владыки, дворец с янычарами и одалисками придется забыть. Ко дворцу, какой бы он ни был, должна вести приличная дорога, а не разбитая колея по которой ездили хорошо, если раз в месяц. Как она еще не заросла целиком?

Рой искоса поглядывал на свою спутницу – в те редкие мгновения, когда отвлекался от дороги. Обычно тут ездили не торопясь, чтобы не покалечить технику, и он был даже рад скинуть скорость до минимальной. Пусть полюбуется на мир, в котором ей предстоит жить. И пусть хотя бы на несколько минут позже узнает, что ее ждет.

Землянка ему нравилась. Она отличалась от бывшей жены, которую он привык называть так, не только внешне – выходцы с разных планет, хоть и происходили от землян, всегда отличались друг от друга, хотя бы в мелочах! Она имела другой характер. Никогда не болтала о пустяках, легко замолкала, не обижалась и демонстративно не дулась, не требовала особого отношения. Даже не язвила и не иронизировала, демонстрируя свое остроумие. Ей было страшно, но она умело скрывала свой страх, и в то же время не было заметно ужаса в ее глазах. Да, надо отдать «черным» звездoproходцам должное – те, кто часто занимается торговлей людьми, умеют обрабатывать «товар», избавляя покупателей от необходимости терпеть истерики перепуганных рабынь.

Рабыня. Он ведь ее купил. Есть сертификат. Есть «гарантийный талон», есть чек и договор купли-продажи. По всем статьям эта женщина – его вещь, личная собственность, с которой он может делать что угодно. Здесь, в глуши неосвоенной планеты, он мог даже убить ее и бросить труп в лесу как приманку для падальщиков. И никто, даже майор Гравер, не привлечет его к ответу. Хотя, нет. Этот привлечет. У него почему-то зуб на лично на него, Роя Линка. Но ведь можно устроить и так, что майор ничего не узнает... Тут такая глушь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.